

К семантике изображений на старинных бурятских онгонах

С. В. Иванов

В дореволюционное время буряты-шаманисты, чаще всего западные, или иркутские, в значительном количестве изготавливали так называемые онгоны¹ — изображения духов, нарисованные краской на материи, сшитые из тряпок, вырезанные из войлока, дерева, жести или вылепленные из глины.² Сами изображения были довольно однообразны и представляли собой фигуры людей и животных, трактованные большей частью крайне упрощенно.³ Но круг идей, связанных с этими изображениями, был очень широк и охватывал собой представления о вселенной, о небе и небесных светилах, об огне, о различных духах, о причинах болезней, о загробной жизни и т. д. Он отражал не только религиозные представления, но также нормы общественной морали и некоторые первобытно-материалистические представления о природе и человеке.

Все эти представления слагались и развивались в течение длительного времени в различные исторические периоды. Одни из них относятся

¹ Онгоном буряты называли не только изображение духа, но и самого духа. Души предков также назывались онгонами.

² Кроме перечисленных, были и другие онгоны. Они представляли собой различные археологические предметы: наконечники копий, нуклеусы, бронзовые топоры и т. д., найденные бурятами и приписываемые ими древним монголам, являющимся якобы хозяевами данной местности. Подобного рода вещи, как и некоторые нарисованные онгоны, хранились в особых ящичках, помещенных в углубления, сделанные в столбах. Эти столбы устанавливались на возвышенных местах, недалеко от улусов. Еще в начале XX в. многие неграмотные иркутские и верхоленские буряты смотрели на археологические памятники как на священные предметы и тщательно скрывали их местонахождение (Изв. Русск. комитета для изуч. Средней и Восточной Азии, сер. II, № 2, СПб., 1913, стр. 107). Распространены были также онгоны в виде шкурок пушных зверей — колонка, хорька, зайца, соболя и др. Иногда к таким онгонам прикреплялись небольшие металлические фигурки человека (Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV. СПб., 1883, стр. 417), ленточки или маленький бубен [Н. З а т о п л я е в. Некоторые из онгонов, почитаемых в Аларском ведомстве. Изв. Восточно-Сибирск. отд. Русск. Географ. общ. (в дальнейшем — Изв. ВСОРГО), т. XLI, Иркутск, 1911, стр. 129]. К подобного рода онгонам близки старинные зооморфные *тосы* хакасов (С. В. Иванов. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья. Сб. МАЭ, XVI, 1955, стр. 166).

Нельзя не упомянуть и о живых онгонах — животных. Среди них можно было встретить лошадей, баранов, козлов и быков. Эти животные посвящались духам или божествам (G. S a n d s c h e j e w. Weltanschauung und Schamanismus der Alaren-Burjaten. Anthropos, Bd. XXII, H. 5—6, 1927, стр. 934—937).

³ Общие сведения об онгонах и художественной стороне имеющих на них рисунков подробнее изложены в нашей работе «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в.» (Труды Инст. этнографии АН СССР, т. XXII, 1954, гл. IV).

к эпохе первобытно-общинного строя, другие — ко времени патриархально-феодальных отношений. Древняя семантика онгонов частично сохранила свое значение в условиях разложения родового строя и становления классовых отношений, но многие представления получили при этом иной смысл или заменились другими представлениями, соответствующими новым общественным отношениям и возникшей на их основе новой, классовой морали.

В изображениях и семантике онгонов нашли свое идеологическое отражение различные формы хозяйственной деятельности бурятов — охота и рыболовство, скотоводство и земледелие, а также ремесла и другие отрасли труда сельского населения.

Все это вместе взятое позволяет видеть в онгонах один из интересных исторических источников, бросающих свет на социальный строй и некоторые общественные представления бурятов.

В настоящей статье рассматриваются главным образом онгоны, нарисованные на материи. Материал по другим онгонам привлекается лишь в качестве дополнительного источника.

Онгоны помещались как внутри юрты, так и вне ее. Нередко они хранились в войлочных, кожаных или берестяных сумочках или в деревянных ящичках продолговатой формы. Вне юрты онгоны хранились в таких же ящичках, подвешенных или прибитых к столбам.

Онгоны, нарисованные на материи, имели форму квадрата или прямоугольника различных размеров, в среднем 20×30 см. Как исключение встречались крупные онгоны, длина которых достигала 4 м.¹

Онгоны изготовлялись для «вселения» в нарисованные на них изображения тех или иных духов с целью заручиться их помощью и покровительством или избежать их преследования. Рисунки на онгонах обычно делал приглашенный шаман, но этот обычай не всегда строго соблюдался. Можно предполагать, что в старину онгоны изготовлялись самими членами семьи, заинтересованными в установлении благоприятных для себя отношений с духами. Иногда исполнение рисунков поручали знающему старику.

Краски, с помощью которых исполнялись рисунки, были минеральные (охра, красная глина); чаще всего это были различные оттенки красного цвета. В XVIII—начале XIX в. (а также, видимо, и в более раннее время) изображения на некоторых онгонах наносились кровью жертвенного животного,² иногда молоком и жиром,³ а вместо материи употреблялась овечья кожа.

Изображения на онгонах очень разнообразны. Среди них встречаются человеческие фигуры, деревья, небо, солнце, луна, звезды, облака, земля, горы, озера, предметы хозяйственного и бытового назначения и т. д. На некоторых онгонах поверх человеческого изображения, нарисованного краской, пришта небольшая антропоморфная фигурка — *ильтахан*, олицетворяющая одну из душ человека.

Кроме *ильтахан*, к онгонам пришивались иногда и другие предметы, например металлические серьги или ожерелья, миниатюрные деревянные ведра, поварешки, а над изображениями людей — перья.

Среди онгонов были как одиночные, так и серийные.

После смерти владельца онгонов последние обычно предавались сожжению или переходили по наследству к другому владельцу. Сжигали

¹ Летописи хоринских бурят (Хроника Вандаана Юмсунова, 1875 г.). Тр. Инст. востоковед. АН СССР, XXXIII, 1940, стр. 67.

² И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. III. СПб., 1799, стр. 107.

³ Е с и н о в. Буряты. Сибирск. вестн., I, 1824, стр. 67.

онгоны и в тех случаях, когда они приходили в ветхость и заменялись новыми.

В XIX—начале XX в. онгонов было много и связанные с ними идеи и представления носили разнообразный характер. Буряты-анимисты верили, что с помощью рисунков и совершаемых над ними действий (мнимое оживление изображений, надевание на них богатой одежды, принесение жертв, произнесение молитв, обращенных к духам и т. д.) можно добиться тех или иных положительных результатов.

Отсутствие онгонов в юрте могло, по мнению верующих, привести к отрицательным результатам.

Классифицировать онгоны можно с различных точек зрения в зависимости от того, какая сторона их интересует исследователя. Существующие в литературе попытки этого рода не представляют собой продуманной до конца системы.¹ Их можно рассматривать скорее как предварительную наметку для будущей классификации. Но даже и с этой стороны они во многом уязвимы, так как обходят ряд моментов, учитывать которые при классификации необходимо. Несмотря на обилие собранного по онгонам материала, последний до настоящего времени не был подвергнут серьезной научной обработке, вследствие чего какие бы то ни было попытки систематизации его, произведенные без полного учета всех относящихся сюда фактов, могут в лучшем случае иметь лишь рабочее значение. Кроме того, мы полагаем, что даже при надлежащем изучении онгонов, в особенности при выяснении связанных с ними религиозных представлений, на пути исследователя встретится немало трудностей, которые могут осложнить проблему классификации. Дело в том, что религиозные представления, отмеченные исследователями в XIX и XX вв., возникли, как уже указывалось, в различные исторические периоды. Одни из них характерны для идеологии более древнего периода — материнского рода, другие — поздние, отражают идеи, возникшие в период отцовского рода, и т. д. Все эти представления часто противоречивы и сбивчивы, что в значительной степени затрудняет распределение онгонов по признаку их функции. Приходится учитывать прежде всего преобладающую функцию онгонов, но и эта последняя в настоящее время не всегда может быть раскрыта вследствие неполноты и несовершенства записей, касающихся отдельных онгонов.

Классификация онгонов по признаку того, принадлежат ли изображенные на них духи к добрым или злым, также не всегда выглядит убедительно, поскольку одни и те же духи, в зависимости от обстоятельств, рассматривались самим населением то как добрые, то как злые, то, наконец, как нейтральные. До тех пор, пока мы изучаем онгоны с чисто внешней стороны, классификация их по тем или иным признакам, например по материалу, сюжетам или местонахождению, не встречает особых затруднений. Но если мы подойдем к онгонам со стороны их содержания, присмотримся к религиозным представлениям, отраженным в рисунках, то наша попытка систематизировать онгоны встретит ряд затруднений. В этом случае окажется, что факты, укладываемые в довольно стройную систему по одному признаку, не согласуются друг с другом по другому признаку. Необходимо также отметить, что названия для одних

¹ Н. Агапитов и М. Хангалов. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Изв. ВСОРО, Иркутск, 1883, стр. 75. — А. В. Потанин. Буряты. Сб. «Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю», М., 1895, стр. 9. — Ц. Жамцарано. Онгоны агинских бурят. Зап. Географ. общ. по отд. этнограф., т. XXXIV, 1909, стр. 390 и сл. — D. Klementz. Buriats. Encyclopaedia of Religion and Ethics, v. III, 1910, стр. 12.

и тех же онгонов варьировали в зависимости от района или племенной принадлежности их владельцев и что онгоны, распространенные на одной территории, иногда полностью отсутствовали на другой.

Не считая возможным дать в настоящей работе законченную классификацию онгонов, мы все же позволим себе остановиться на некоторых возможных их группировках.¹

С точки зрения обслуживания тех или иных хозяйственных интересов, можно выделить среди онгонов три основные группы изображений. Первую, довольно многочисленную группу составляют скотоводческие онгоны. К ним относятся онгоны для коров, телят, лошадей и баранов, а также онгон с изображением Ухаа Солбона, т. е. Венеры, или Утренней зари. К той же группе принадлежит онгон луговых женщин, считавшихся покровительницами лугов и покосов. Связь его со скотоводческими онгонами вполне понятна, поскольку от луговых женщин, по мнению шаманистов, зависели плодородие почвы и урожай трав, обеспечивающих корм для скота. Вторую группу онгонов составляют охотничьи онгоны, прежде всего так называемые горные онгоны и онгон Анда-Бара. Третья группа представлена онгонами водяных ханов, в лице которых буряты видели покровителей рыболовства.

Особое место занимают кузнечные онгоны. Что касается «лечебных» онгонов, то к ним принадлежали главным образом различные женские онгоны, помещавшиеся на женской половине юрты и в большинстве случаев имевшие изображения духов женского пола. Но лечебное значение в отдельных случаях приписывалось и некоторым другим онгонам, например *зурагтан* онгону, онгону хозяев козла и онгону водяных ханов.

Поскольку женские онгоны встречались в значительном количестве, у исследователей сложилось представление о том, что лечебное значение онгонов было преобладающим.² Однако правильнее было бы сказать, что лечебная функция онгонов преобладала не вообще, а лишь в группе женских онгонов.

Большой интерес представляет собой классификация онгонов по признаку их социальной значимости. К сожалению, она недостаточно разработана, вследствие чего многие онгоны остаются пока за ее пределами. В настоящее время мы можем отметить лишь некоторые, более или менее отчетливо выявляемые группы этих онгонов. Так, к древним племенным онгонам следует отнести онгон с изображениями водяных ханов (*уһан хаад*), онгон быка и его сыновей (Буха-нойон), онгон двух хоринских девиц и онгон *хойтохи* или Усайтан. К родовым онгонам принадлежали онгон с изображениями луговых женщин (*нугын ээинүүд*), горные онгоны и онгон хозяев огня. Некоторые онгоны составляли коллективную собственность улуса.³ В группу семейных входила большая часть женских онгонов-покровителей семьи, женщин, детей и домашнего скота, онгон с изображением женщины-духа изголовья или подушки и некоторые другие.

По местонахождению все онгоны, как уже говорилось выше, можно разделить на две группы. Одну из них составляют онгоны, хранящиеся вне жилища, например в лесах, в священных рощах или в горных мест-

¹ Приведенные ниже группировки относятся исключительно к онгонам, нарисованным на материи.

² Ц. Жамцарано, ук. соч., стр. 392. — К. Д. Зеленин. Культ онгонов в Сибири. М.—Л., 1936, стр. 200—201.

³ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 77.

ностях. Сюда относятся горные онгоны и онгон западных ханов. К другой группе принадлежат домашние онгоны, помещавшиеся поблизости от юрты (во дворе, в сарае и т. п.) или внутри нее на столбах, стропилах, над кроватью или над колыбелью, в пазах стен (за полками с посудой и т. д.).

Домашние онгоны разделялись в свою очередь на онгоны мужской и онгоны женской половины жилища. Первые хранились налево, вторые направо от входа. У иркутских бурятов к мужским онгонам, по данным Агапитова и Хангалова, принадлежали следующие: хозяин огня, водяные ханы, *зурагтан*, луговые женщины, хозяева козла и некоторые скульптурные онгоны. К числу женских относились шаман Нагорай, *алматан*, покровительница деторождения Дуде и др.

Перечень онгонов мужской (западной) половины юрты, приведенный Агапитовым и Хангаловым, далеко не полон. К нему нужно добавить онгоны с изображениями некоторых духов западного или юго-западного неба, как то: духов западных тэнгриев и ханов, духов небесных светил и духов воды; сюда же следует отнести онгоны с зоо- и антропоморфными изображениями космического небесного быка, кузнечные и горные онгоны. *Зурагтан* и горные онгоны изображали собой зайнов (полубогов), духов-покровителей земного происхождения. Необходимо, впрочем, указать, что не всегда перечисленные онгоны помещались на левой, т. е. мужской, половине юрты. Некоторые из них (например, *зурагтан*), входя в состав *хойтохи* онгона, хранились в женской половине.

Онгоны женской, восточной половины юрты также частично относились к духам неба. Большая же часть их изображала умерших людей, в их числе шаманов и шаманок. Таковы, например, онгон двух хоринских девиц, *хойморойхи* и *хойтохи* онгоны, онгоны покровителей детей, онгоны, обеспечивающие плодovitость скота, телячьи и некоторые другие.

Онгон *тэнгэрийн зураг* помещался иногда в центре юрты, поблизости от очага.

На северной стороне юрты (*хоймор*), где стояла кровать, помещались онгоны, «помогавшие» в трудных родах, онгоны чадородия, онгоны семейного счастья и онгоны, «предохранявшие» детей от смерти.

Разделение онгонов на зооморфные и антропоморфные возможно лишь применительно ко всей совокупности онгонов, как скульптурных, так и нарисованных на материи. Поскольку мы в настоящей работе рассматриваем только последние, эта классификация отпадает, так как в группе онгонов, нарисованных красками, зооморфные онгоны отсутствуют. Имеется лишь серия онгонов со смешанной тематикой (изображения животных и людей) и строго антропоморфные.

С другой стороны, при анализе изображений можно выделить онгоны, изображающие высших духов (духов небесной сферы) и низших духов (духов земного происхождения). Онгоны первой серии разделяются в свою очередь на онгоны западных духов (обитающих на западной стороне неба) и онгоны восточных духов. Западные духи считались добрыми, восточные злыми. Распределение духов на доброжелательных и злых можно было бы продолжить и дальше, но мы это делать не станем ввиду отмеченной выше недостаточной ясности этого вопроса у самих шаманистов. В дальнейшем, при анализе рисунков на отдельных онгонах, мы еще вернемся к этому вопросу. Некоторые авторы, например Нил и А. Бастиан, считают, что духи, изображенные на онгонах, вообще занимают промежуточное место между злыми и добрыми духами.¹ Д. К. Зеле-

¹ Нил и А. Бастиан. СПб., 1858, стр. 232. — A. Bastian. Ein Besuch bei burätischen Schamanen. Geographische und ethnographische Bilder. Jena, 1873, стр. 402.

нин пишет, что духи, изображающие знаменитых шаманов, считались большей частью добрыми, все же прочие антропоморфные духи принадлежали к вредоносным и опасным.¹ Имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет, однако, присоединиться к этой точке зрения.

Не менее интересно было бы установить различия между онгонами отдельных групп (племен) бурят, но для этого не имеется пока достаточных данных. По наблюдениям П. Баторова, некоторые онгоны кудинских бурят не известны аларцам, а отдельные аларские онгоны отсутствуют у кудинцев.² Популярный среди хоринских и агинских бурят *хошонгод*, изображающий охотников, не встречается у северобайкальских бурят³ и т. д. Отмечены некоторые различия и в самой трактовке изображений. Так, агинские буряты, рисуя человека, делали контурную фигуру, в то время как иркутские буряты — однолинейную.⁴

Перейдем теперь к рассмотрению некоторых групп онгонов, представляющих специальный интерес с точки зрения сюжета и семантики. Начнем с онгонов, на которых представлены изображения различных духов неба и небесных светил, поскольку культ неба с древнейших времен играл весьма важную роль в религиозном мировоззрении монгольских племен.

По наблюдениям некоторых исследователей, небо, т. е. высшее божество шаманского пантеона, на предметах культа не изображалось.⁵ Это требует пояснения: не известны лишь антропоморфные образы неба в его целом. Что же касается изображений естественного, видимого неба, то таковые встречались в значительном количестве. Иными словами, высшее божество, как явление природы, изображалось очень часто, но только в своем первоначальном виде, а не в более позднем антропоморфном облике. Онгоны, на которых фигурировало бы только одно изображение видимого неба, не известны. На тех онгонах, где небо представлено, оно сопровождается рядом других изображений и является, таким образом, лишь частью более сложной композиции.

Религиозные идеи, связанные с небом и небесными явлениями, получили у бурят значительное развитие и нашли яркое отражение не только в семантике онгонов *тэнгэриин зураг* и западных ханов, но и многих других. На небе, по представлениям шаманистов, живет божество, не вполне ясное по своей природе. У аларцев оно называется просто голубым небом — *хухэ тэнгри*.⁶ Наряду с ним, особенно в фольклоре, встречаются и другие его названия, например хан Тюрмас тэнгри — глава 55 белых западных тэнгриев. Это имя заимствовано бурятами из мифологии народов Центральной Азии. У шаманистов есть и собственное, бурятское имя этого божества — Эсэгэ Малаан тэнгри, в переводе на русский язык означающее «отец-плешиное небо». Представляли его себе в виде плешивого старика, постоянно фигурирующего в призываниях, мифах и легендах в качестве доброго, благодетельного божества, подателя жизни, счастья и всякого благополучия. Чаше всего он, как и хан Тюрмас тэнгри, оказывался в роли главы западных тэнгриев. Когда шаманисты пели хвалебный гимн в честь неба, то в своих обращениях называли его «небо,

¹ Д. К. Зеленин, ук. соч., стр. 268.

² П. П. Баторов. Аларские тайлаганы. Изв. ВСОРГО, т. LI, Иркутск, 1926, стр. 11 (по отд. оттиску).

³ Гос. Музей этнографии народов СССР (ГМЭ), опись колл. № 783-66.

⁴ Ц. Жамцарано, ук. соч., стр. 391.

⁵ Там же.

⁶ G. S a n d s c h e j e w, ук. соч., Anthropos, Bd. XXIII, H. 5—6, 1928, стр. 973.

наш великий предок», откуда следует, что с небом связывались представления о происхождении бурятского народа.

На онгонах, собранных в XIX—начале XX в., изображены, кроме неба (как такового), различные второстепенные и даже третьестепенные духи неба. Именно эти духи были в центре внимания при изготовлении соответствующих онгонов. Небесные духи олицетворяли собой небо, разделенное на части, в чем следует видеть дальнейшее усложнение представлений о небе. Это были духи западного и восточного неба, духи, изображавшие собой сыновей и дочерей небесного божества и их потомство. Говоря о духах неба, необходимо иметь в виду, что к ним же причислялись и души «знаменитых» шаманов, которые, по мнению бурят, после смерти возносились на небо. К этой же категории относились и души некоторых простых людей. Таким образом, количество духов неба постоянно возрастало. Однако последняя категория их, т. е. души людей, превратившихся в небесных духов, не отождествлялась полностью с духами собственно неба и составляла для шаманистов низшую их категорию.

Многочисленные духи неба назывались тэнгриями (от бурятского *тэнгэри*, монгольского *тэнгэр* — «небо») и ханами (в этнографической литературе также *хатами*, *хадами*).¹ Ханы считались потомками и посланцами тэнгриев. Эти небожители имели, кроме того, личные имена, которые, как показывают исследования, составлены были из существительных и прилагательных, характеризующих различные свойства и состояния видимого неба и атмосферы. Всех тэнгриев буряты разделяли на две большие неравные группы. В первую входили 55 добрых западных тэнгриев, во вторую — 44 злых восточных.² Эта классификация, известная по работам Агапитова и Хангалова, а также Подгорбунского, дополнена В. Михайловым применительно к кудинским бурятам. По его данным, западные небесные божества разделялись в свою очередь на 99 передних (южных) божеств, 55 западных и 77 задних божеств.³ Во главе передних тэнгриев стоял сам Эсэгэ Малаан тэнгри, во главе западных — заяан Саган тэнгри, во главе задних — стрелок Хухэдэй.⁴ Число восточных тэнгриев составляло ту же цифру — 44.

Приведенные примеры показывают, что строго установленного количества тэнгриев у бурят не существовало. Представление об их числе варьировало в зависимости от района, но всегда западные в количествен-

¹ *Хад*, *хаад* — множественное число от слов *хаан*, *хан* — «властитель», «царь».

² Представление о разделении неба на две половины приобретает большой интерес при изучении древнего мировоззрения народов Азии. Подобное же деление неба существовало у алтайцев. Отмечено оно и у китайцев. Согласно религиозным представлениям последних, созданный из восточного эфира восточный князь-батьюшка Дуи Ван-гун признается главой всех бессмертных мужчин, а родившаяся из западного эфира западная княгиня-матушка считается главой бессмертных женщин. Каждое из этих божеств управляет своей частью эфира. Возможно, что представления бурят о разделении неба на западное и восточное являлись отражением более древних представлений о мужской и женской половин неба, общих для китайцев и народов южной Сибири.

³ Эта классификация сама по себе недостаточно точна. Остается неясным, что следует понимать под задними и особенно западными божествами западной же части неба. Если встать лицом к западу, то западным окажется южное небо, но тогда оно совпадает с передним небом указанной классификации. Если же под передними шаманисты подразумевали духов ближайших к земле слоев неба, а под западными — духов, более отдаленных от нее, то в таком случае неясно, куда следует поместить западных духов.

⁴ В. А. Михайлов. Религиозная мифология бурят. 1912 (Архив АН СССР, ф. 282, оп. № 1, стр. 15).

ном отношении превосходили восточных, а это указывает на то, что основное внимание шаманистов было направлено в сторону духов, олицетворявших положительные свойства и явления природы. Отрицательные стороны природы и связанные с ними представления о злых, недоброжелательных духах занимали в религиозном сознании бурятов второстепенное место.

Западные тэнгрины играли в религиозной мифологии бурятов весьма важную роль. Достаточно сказать, что от них вели свое происхождение белые¹ заяаны и ханы, водяные ханы, Буха-нойон, огонь и т. д., т. е. добрые духи светлого цикла, настроенные благожелательно к человеку и постоянно якобы оказывающие ему помощь и покровительство. У западных ханов, по мнению шаманистов, обучались души будущих шаманов.² У других потомков западных тэнгриев — белых заяанов — искали покровительства белые кузнецы. По указанию некоторых авторов, особым вниманием пользовались небесные ханы у балаганских бурятов.³

В связи с тем важным значением, которое приписывалось западным тэнгринам и ханам, онгоны с изображением этих духов приобретают особый интерес. К сожалению, онгоны эти собраны в недостаточном количестве и сведения о них не отличаются необходимой полнотой. Мы остановимся только на двух онгонах — *тэнгэрийн зураг* (буквально — «небесный рисунок») и онгоне западных ханов.

Онгоны *тэнгэрийн зураг* и западных ханов. Рисунки на всех онгонах этой группы исполнялись после совершения религиозного обряда. Самый онгон (кусочек синей ткани с изображениями) помещался при этом на козульей шкуре, разостланной на полу. По окончании изготовления онгона его приделывали к палочке и втыкали около очага.⁴ Иногда онгоны этого рода относили в лес.⁵

Верхнюю часть *тэнгэрийн онгона* занимали линия неба, солнце, луна, звезды, иногда облака (рис. 1). Ниже располагались изображения девяти небесных духов в виде тонких однолинейных человеческих фигур девяти сыновей⁶ с тремя короткими отростками на голове. За ними помещалась полоса с деревьями в виде елочек, названных «восемью соснами». Ниже шел еще ряд человеческих фигур («восемь дочерей»), а в самом низу рисовались собака и верблюд. Значение этих животных не известно. Что касается человеческих фигур, то они, по всей вероятности, представляют собой сыновей и дочерей неба, фигурирующих и на других онгонах (ср. с представлениями алтайцев о дочерях Ульгена).

На онгоне западных ханов, имеющем сравнительно небольшие размеры (23×30 см), наверху также изображено небо, представленное двумя горизонтальными полосами, звездами в виде точек и двумя крупными знаками солнца и луны (рис. 2). Солнце, помещенное слева, имеет вид круга с тремя точками в середине. Лучи, окружающие солнце, даны в виде отдельных черточек, не сливающихся с солнцем. Луна исполнена таким же способом, с той лишь разницей, что внутри круга вместо точек

¹ У китайцев западная часть неба также считалась белой (см.: Т. С. Попов. Китайский пантеон. Сб. МАЭ, VI, 1907, стр. 27).

² В. А. Михайлов, ук. соч., стр. 45.

³ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 25.

⁴ М. Н. Хангалов. Материалы по этнографии, религии и фольклору бурятов. Архив ГМЭ, тетр. 36, стр. 1067.

⁵ ГМЭ, колл. № 1635-1.

⁶ Число «девять» считалось у монголов священным. То же мы находим и у многих других народов Азии, в частности у народов южной Сибири. Поэтому и в рисунках на онгонах часто фигурируют девять человеческих фигур, девять быков и т. д.

нарисована человеческая фигура, держащая в каждой руке по кругообразному предмету. Налево от нее помещен небольшой кустик. В этом рисунке нашла свое графическое выражение легенда о девушке, похищенной луной. Рисунок представляет довольно точную иллюстрацию к легенде: мы видим дерево или куст, а рядом с ним фигуру человека, держащего в руках ведро и ковш. Подобного рода изображения луны встречаются довольно часто и на других онгонах бурятов. Под небом нарисованы облака или отдаленная линия гор (горизонт?), а под ней, ближе к середине онгона, ряд изломанных линий, также представляющих собой горы, носящие название Мундарга.¹ Последние, впрочем, как бы повисают в воздухе, так как линия земли (?) помещена у самого нижнего края онгона. Рядом с горами, справа имеется изображение дерева. Ниже гор помещены девять человеческих фигурок, у каждой из которых имеется на голове пять-шесть отростков. Фигуры изображают западных ханов.² Все они расположены в ряд и трактованы очень упрощенно. С помощью белого шнура, пришитого к верхнему краю онгона, изображение западных ханов подвешивалось к особым жертвенным деревьям во время совершения жертвоприношения (*тайлагана*) духам западных ханов.

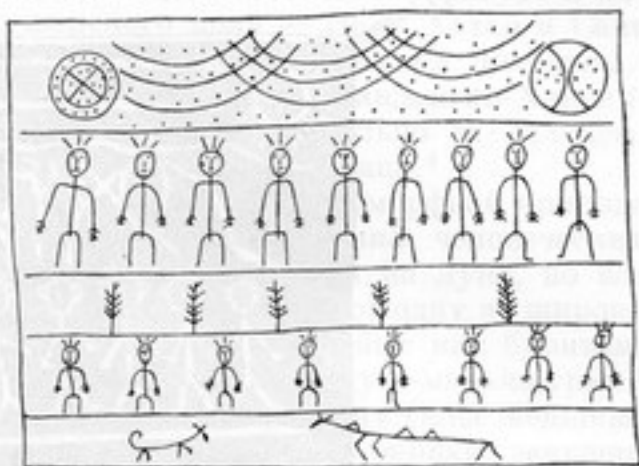

Рис. 1. Онгон *тэнгэрийн зураг*. (По Хангалову, арх. ГМЭ, № 28, тетр. 36, стр. 1064).

Описанный онгон имеет ближайшее отношение к онгону священного небесного быка Буха-нойона и его сыновей (см. о нем ниже) и даже является, может быть, его вариантом, так как, например, кудинские буряты называли западных девяносто царей потомками (сыновьями) Буха-нойона, расселившимся по бывш. Иркутской губернии и ставшими хозяевами различных местностей.³ По другим данным, жена Буха-нойона Будан Хатан является сестрой девяти юго-западных царей.⁴

Совершая жертвоприношения западным ханам, буряты просили у них покровительства и всяких благ в земной жизни.⁵

Онгоны солнца и луны. Почитание солнца (*наран*) и луны (*нара*), по всем данным, имело в старину более важное значение, чем в XIX в., когда началось систематическое коллекционирование онгонов и более глубокое изучение основ древнего мировоззрения бурятов. У татаро-монголов поклонение солнцу и луне с принесением им по утрам жертвоприношения пицей и питьем отмечено Плато Карпини еще в XIII в.⁶

¹ Под этим названием прибайкальские буряты-шаманисты подразумевали Саянские горы.

² Несмотря на упоминания (в легендах) о многочисленных западных ханах, количество их изображений на онгонах большей частью ограничивалось девятью фигурами.

³ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 25. — В. А. Михайлов, ук. соч., стр. 42, 45.

⁴ О происхождении северобайкальских бурят вообще и тукинцев в особенности. Памятная книжка Иркутск. губ., 1881, стр. 186.

⁵ В. А. Михайлов, ук. соч., стр. 45.

⁶ П. Плато Карпини. История монголов. СПб., 1911, стр. 8.

В этнографической литературе по поводу значения культа солнца и луны у бурят мы находим две исключаящие одна другую точки зрения. Н. Агапитов склонен был считать этот культ заимствованным, полагая, что идеи, связанные с ним, не имели достаточной почвы в собственном мировоззрении бурят. С другой стороны, этот исследователь допускал и другое: культ солнца мог, по его мнению, потерять свое значение в связи с переселением бурят в более северные районы. Агапитов, как и многие другие, полагал, что культ солнца теснейшим образом связан с земледелием. Земледелие же в это время было у бурят развито слабо и далеко не во всех районах. Таким образом, с точки зрения Ага-

Рис. 2. Онгон западных ханов. (ГМЭ, колл. № 1286-30).

питова, достаточной почвы для возникновения культа солнца у бурят не было.¹

Иные соображения были высказаны по этому поводу И. Подгорбунским. Он, наоборот, допускал, что солнце должно было играть большую роль для человека на ранних ступенях его развития, когда он еще не умел бороться с холодом, не научился строить себе теплые жилища. С наступлением ночи он постоянно подвергался холоду и опасности нападения со стороны ночных хищников. Вполне естественно поэтому допустить, что появление солнца человек должен был оценивать как положительное для себя явление, откуда мог возникнуть и культ этого светила.² Имеются достаточные основания предполагать, что этот культ возник у народов Сибири задолго до земледелия, причем появление его отнюдь не следует рассматривать как результат заимствования откуда-то со стороны. Поэтому в согласии с Подгорбунским мы полагаем, что культ солнца возник у монгольских племен до появления у них земледелия.

На бурятских онгонах солнце и луна всегда изображаются вместе с небом. Последнее или рисуется в виде прямой черты, или представлено куском белой ткани.

Более древние представления, связанные с солнцем и луной, раскрыть в настоящее время уже трудно, так как они в значительной степени исчезли или заменились другими. Воспоминание о былом значении солнца и луны

¹ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 48—49.

² И. Подгорбунский. Из мифологии бурят-монголов шаманистов. Сибирск вестн., V—VI, 1894, стр. 30.

еще сохранялось у бурятов в начале XIX в. Они «из подчиненных благодетельствующих богов почитают знатнейшими солнце, луну и звезды, особенно планету Венеру (Солбон)», — писал в 1824 г. Есипов.¹ Во время жертвоприношений (*тайлаганов*) духи солнца и луны призывались вместе с духами неба, земли и воды.² Во время болезни в жертву солнцу приносили барана.³

Первоначально буряты поклонялись видимым светилам и изображали их в форме простых или лучистых кружков, которые еще во множестве фигурировали на онгонах XIX и начала XX вв. Позднее, в связи с развитием процесса антропоморфизации природы, солнце и луну наделили особыми «хозяевами» и стали рисовать их в виде человеческих фигур. В хозяевах солнца и луны видели лиц женского пола — Наль Хатан и Саль Хатан, хотя при этом подразумевалось и наличие мужской половины.⁴ По другим данным, хозяйкой солнца и луны была Шандангин-Хандангин.⁵ Впоследствии женская природа сохранилась только за солнцем, луна же стала рассматриваться как мужчина, муж солнца.⁶

В связи с возникновением представлений об антропоморфной природе светил на круглых дисках их появились изображения человеческих фигур (рис. 2). Чаще всего такие фигуры встречаются на луне, но все еще в облике женщины. Подобного рода рисунки отражают одну из широко распространенных и весьма популярных легенд, известных как бурятам, так и многим другим народам Сибири, например тунгусо-маньчжурам.⁷ Содержание этой легенды сводится вкратце к следующему. Одна женщина послала однажды свою дочь за водой. Захватив ведро и черпак, девушка отправилась к реке, но тут была схвачена луной и унесена на небо вместе с кустом, за который ухватилась.⁸ Эта девушка, говорится в легендах,

¹ Есипов. Буряты, ук. соч., стр. 66.

² П. П. Баторов. Аларские тайлаганы, стр. 8.

³ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 46.

⁴ A. Bastian, ук. соч., стр. 410.

⁵ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 46.

⁶ Монголо-татары XIII в. называли солнце матерью луны. (П. Лане Карпини, ук. соч., стр. 10).

⁷ Эта легенда пользовалась среди бурятов столь широкой популярностью, что школьники еще в 20-х годах текущего столетия, изображая луну, рисовали на ней человеческую фигуру с веткой в руке (см.: П. Хоросих. Об изучении детских рисунков туземных племен Сибири. Иркутск, 1925, стр. 9).

⁸ Почти в той же редакции эта легенда отмечена у якутов. Различие заключается в том, что у последних вместо черпака, ведра и куста фигурирует коромысло с двумя ведрами (М. Овчинников. Из материалов по этнографии якутов. Легенды, сказки, предания. Этнограф. обозрение, 1897, № 3, стр. 179, 180; Э. К. Пекарский и Н. П. Попов. Среди якутов. Сб. «Очерки по изучению якутского края», Иркутск, 1928, стр. 5). Указанная легенда записана также у эвенков бывш. Нерчинского округа (Г. Н. Потанин. Тангутско-тибетская окраина Китая, т. II. СПб., 1893, стр. 385) и хакасов (В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. IX. СПб., 1907, стр. 274; Н. Каратаев, Н. Попов, Г. Потанин. Качинские татары Минусинского округа. Изв. РГО, т. XX, вып. 6, СПб., 1884, стр. 646). Представление о живущей на луне красавице известно и китайцам (Палладий и Попов. Китайско-русский словарь, т. II. Пекин, 1888, стр. 233). Эта богиня управляет луной и живет в шалаше (одно из пятен на луне), с тремя служанками. Рядом растет красивое дерево, плоды которого обладают целебными свойствами (ср. с изображением кустов на бурятских онгонах). Там же живет заяц, толкущий в ступе целебные плоды (Ф. Власов. Китайский праздник луны. Православный благовестник, 1910, № 5, стр. 230, 231). Изображение на луне человеческой фигуры с ведрами и кустом встречается и у такого отдаленного от южной Сибири и Китая народа, как индейцы северо-западной Америки (см.: Fr. Boas. The Decorative art of the Indians of the North Pacific Coast. Bull. of the Amer. Museum of Natural History, v. IX, № 10, 1897, fig. 61). Не менее интересна другая параллель, отмеченная в свое время Шанковым: рассказ о двух детях, несших коромысло с ведрами и взятых луной. Этот рассказ содержится в одном из древнегерманских мифов (С. Шапков. Шаманство в Сибири. Зап. Русск. Географ.

и до сих пор видна на луне. Она считается то женой, то дочерью месяца.¹

Среди онгонов солнца и луны были как скульптурные (в виде дисков), так и нарисованные онгоны. До нас дошло немного памятников этого рода. Один из них мы даем на рис. 3.² Он представляет интерес во многих отношениях. Во-первых, с точки зрения соединения в одном онгоне скульптуры и рисунка: солнце и луна в виде накладных дисков, объемное ведро и черпак прикреплены к материи, на которой имеется рисунок. Далее мы видим на онгоне одновременно и диски, и человеческие фигуры, т. е. изображения более позднего происхождения. Это говорит о том, что атрономорфный образ светил еще не успел окончательно вытеснить

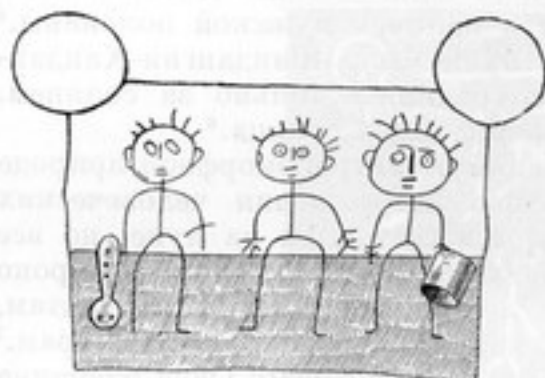

Рис. 3. Онгон хозяев солнца и луны. (МАЭ, колл. № 1815-13, альбом рисунков с экспонатов Иркутского музея).

более древнюю, естественную форму их изображений. Кроме того, описанный онгон интересен тем, что иллюстрирует приведенную выше легенду о девушке с ведром, попавшей на луну. На рисунке изображены три человеческие фигуры: две из них представляют собой хозяев солнца и луны (онгон называется *хара наранай эжэн*, т. е. «луны и солнца хозяин»), третья — повидимому, похищенную луной земную девушку. Онгон шит из материи двух цветов — верхней белой (светлой, «небесной») и нижней красной.

Фигуры имеют крупные головы, глаза из бисеринок, торчащие кверху волосы и тело, нарисованное в виде тонкой линии. Пальцы на руках расставлены. Около правой фигуры прикреплено ведро, около левой — черпак.

Г а л и - э ж э н — онгон хозяев огня. По понятиям шаманистов, огонь имеет небесное происхождение. Он появился во время отделения неба от земли. В огне видели сына Эсэгэ Малаан тэнгри и младшего брата солнца и луны.³ Попадание огня на землю объяснялось различно. По одной версии, огонь украла с неба ласточка, по другой — он будто бы выпал из молниеносной стрелы небесного божества.⁴ Есть указания на то, что он произошел от западного неба и западных тэнгриев.⁵ Это вполне соответствует характеру, который приписывался духу огня: он считался у бурят добрым духом, охраняющим детей, постоянно заботящимся о людях, живущих в юрте, оберегающим жилище от проникновения в него различных злых духов (*анахаев, бохолдоев*) и помогающим удалению последних из юрты.⁶

общ., кн. 2, СПб., 1864, стр. 15, со ссылкой на работу: Van M ü l l e r. Altdeutsche Religion, I. 1844, стр. 161). Указанная легенда была, следовательно, распространена не только в Азии, но и за ее пределами.

¹ В. М. Михайловский. Шаманство. М., 1892, стр. 34, 38, 121.

² Подлинник хранится в Областном музее г. Иркутска.

³ Н. Щ у к и н. Шаманство у народов Северной Азии. Библ. для чтения, т. 91, СПб., 1848, стр. 32—33.

⁴ G. S a n d s c h e j e w, ук. соч., Anthropos, Bd. XXIII, H. 5—6, 1928, стр. 970.

⁵ Н. Аганитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 12.

⁶ С. В. Копылов. Религиозные верования, семейные обряды и жертвоприношения северных бурят-шаманистов. Прибавл. к Иркутск. епарх. ведомостям, 1895, № 51, стр. 352.

Приписывание огню очистительных свойств, отмеченное у многих племен, с давних времен известно было также тюрко- и монголоязычным народам. В XIII в. обряды очищения огнем наблюдали путешествовавшие по Татарии Плано Карпини и Вильгельм де Рубрук.¹ У бурят эти обряды имели место еще в дореволюционное время.² Дух огня пользовался у них большим уважением. Предполагали, что, живя в очаге каждой юрты, он увеличивает семью и скот, дарует богатство и счастье, способствует деторождению. Духам-хозяевам огня оказывалось поэтому особое почтение.³ Утреннее домашнее жертвоприношение огню лежало на обязанности женщин.⁴ «Кормили» огонь маслом и жиром, так как думали, что дух огня любит легковоспламеняющуюся пищу.⁵ Когда резали скот, то с соответствующими заклинаниями бросали в огонь кусочки мяса и сала.⁶ Огонь постоянно поддерживали; так как потухание его рассматривалось как повод для прекращения рода.⁷ Тушение огня считалось величайшим кощунством.⁸

Если в старину огонь обожествлялся как таковой, то позднее культ огня перешел в культ антропоморфных хозяев огня, получивших личные имена. Хозяевами огня считались супруги Сахядай-нойон и Сахалахатун. Другое название огня — *гали-эжэн*.⁹ Его представляли себе в образе доброго старика с рыжими волосами, одетого в красный халат.

Есть, однако, основания предполагать, что прежде дух огня представлялся в образе женщины. Этот образ явственно выступает не только в религиозных верованиях бурят, но также у собственно монголов и в широком круге тюркоязычных народов Сибири. По представлениям монголов, божество огня обладало большой семьей. Матери огня составляли группу сестер. Иногда говорили об огненных девах, девах очага или девах огня отдельных стран света. Китайцы также представляли себе духа очага в образе женщины, в одних случаях — старухи, в других — женщины с шестью дочерьми, в третьих — прекрасной девы.¹⁰

Все эти представления об огне восходят к глубокой древности и, как можно предполагать, особенно развиты были в эпоху материнского рода. Нет поэтому никакой необходимости считать культ огня у монголов заимствованным из Ирана, как это старался в свое время доказать Д. Банзаров.¹¹

Онгоны огня висели в глубине юрты, на правой, мужской ее половине.

По внешнему виду онгоны хозяев огня отличаются от других онгонов тем, что в нижней своей части имеют карман для жертвоприношений (на рис. 4 карман показан линией *a—б*). Сами онгоны представляют собой кусок синей или белой ткани. Стандартного размера для них не существовало. Встречаются онгоны 30×40 и 50×60 см. Верхний край их

¹ Плано Карпини, ук. соч., стр. 10 и 158.

² G. Sandschejew, ук. соч., *Anthropos*, Bd. XXIII, H. 5—6, стр. 971.

³ И. Подгорбунский. Шаманистические верования монголов и бурят. Прибавл. к Иркутск. епарх. ведомостям, 1895, № 1—3, стр. 91.

⁴ Г. Н. Потанин. Громовник по поверьям и сказаниям племен Южной Сибири и Северной Монголии. Журн. Мин. народн. просвещ., январь, 1882, стр. 63.

⁵ ГМЭ, опись колл. № 403—41.

⁶ П. Т. Хаптаев. Культ огня у западных бурят-монголов. Бурятоведческ. сборн., вып. III—IV, Иркутск, 1927, стр. 66.

⁷ Ю. Д. Талько-Грынцевиц. Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии, вып. I. Зап. Акад. Наук СССР, т. XXXVII, № 2, 1926, стр. 17.

⁸ Otto G. Ernest. Die Burjaten. *Globus*, Bd. LII, 1887, № 1, стр. 14.

⁹ У бурят были и другие имена для огня, как мужские, так и женские (Зап. Инст. востоковед. АН СССР, т. 1, Л., 1932, стр. 182).

¹⁰ Т. С. Попов. Китайский пантеон, стр. 27.

¹¹ Д. Банзаров. Черная вера или шаманство у монголов. СПб., 1891, стр. 22.

выкроен дугообразно и иногда опушен мехом. К основе пришиты своей верхней частью две, три или четыре узких полоски материи, на каждой из которых нарисовано по одной человеческой фигуре. Над головами их пришито по перу (есть онгоны и без перьев), а под ногами помещен жертвенный помост *ширээ* (тоже не всегда). В верхней части онгона нарисованы небо (полоса), солнце, луна и звезды. На том же онгоне имеется изображение колыбели.¹ Если мы вспомним, что к духу огня обращались

Рис. 4. Онгон хозяев огня. (ГМЭ, колл. № 365-13).

с просьбой о даровании детей, то присутствие этого предмета на онгоне станет вполне понятным. Но изображение колыбели могло иметь и самостоятельное значение, так как многие народы Сибири приписывали ей магическую силу.²

На другом онгоне огня (рис. 5) в центре изображена фигура женщины, а по сторонам ее — две мужские фигуры.³ Все они отличаются сильно вытянутым туловищем и торчащими вверх ушами. По указанию некоторых авторов, онгоны хозяев огня, имеющие вид мешка (снабженные своеобразным карманом), распространены были у верхояленских бурятов.

Кроме нарисованных, у бурятов часто встречались скульптурные изображения духов огня. Одни из них были вырезаны из дерева и обтянуты красной материей,⁴ другие вылеплены из глины.⁵ В связи с древностью культа домашнего очага онгоны огня должны быть отнесены к числу наиболее старых. Культ огня был связан с шаманством (см. горные онгоны), повидимому, с наиболее ранней формой последнего, когда обязанности хозяйки дома, хранительницы огня и шаманки соединялись в одном лице.

Ухан-хааδ онгон — онгон водяных ханов. На этом онгоне изображены владыки воды, хозяева морей, рек, озер и прудов. Природа этих духов не вполне ясна. Хотя их и представляли себе в виде людей (нередко стариков), однако в рассказах подчеркивается их

¹ В музейной описи эта фигура объяснения не имеет и названа «сложной и непонятной фигурой» (ГМЭ, опись колл. № 365-13).

² У алтайцев, например, с колыбелью связаны были многие религиозные представления. От нее, думали алтайцы, «приходит счастье на детей» и чадородие. Колыбель часто передавалась от матери к младшей дочери. На Алтае можно было встретить колыбели давностью в сто и более лет. Но если ребенок умирал в колыбели, она «теряла» свою магическую силу и становилась негодной к дальнейшему употреблению (МАЭ, опись колл. № 5068-86).

³ Онгон нарисован на сием коленкоре. По типу должен быть отнесен к онгонам хозяев огня. Карман на нашем рисунке не показан, так как частично закрывает изображение. Он пришит в нижней части онгона.

⁴ М. Н. Хангалов. Материалы по этнографии. . . , тетр. 29, стр. 859.

⁵ МАЭ, альбом колл. №№ 1815-29, 30.

зооморфный характер и небесное происхождение. Согласно легендам, *уһан-хаады* спустились с северо-западной стороны неба, т. е. со стороны заходящего солнца. По некоторым данным, они относятся к категории белых западных тэнгриев и не стоят ни в какой связи ни с шаманами, ни с легендарными героями.¹ Спустившись с неба, они якобы попали сначала на гору Сэмбэр-ула, затем погрузились на дно моря и обратились в *абарга* — морских животных, чудовищ, имеющих вид змей или кита.² Однако связь их с небом при этом не утратилась.

Водяные ханы живут, по рассказам, под водой, в огромных дворцах и владеют не только водными бассейнами, но и всем их содержимым. Кроме того, они владеют пчелами, красными быками и серыми верблюдами. Отношение водяных ханов к людям считалось доброжелательным.³ Будучи существами добрыми, они, по мнению шаманистов, защищали людей от злых духов, а по некоторым данным — посылали дождь и вообще доставляли людям воду. В легендах говорится, что происшедший от воды сын одного из *уһан-хаадов* сделался предком племени эхирит.⁴ Быть может, в этом предке следует видеть налима, от которого, по другим легендам,⁵ произошли эхириты.

Так, например, одна из легенд утверждает, что родоначальник бурят Эхирит был воспитан налимом и усыновлен шаманкой Хусыхэн.⁶ Это дает основание предполагать, как и делает, например, К. В. Вяткина, что *уһан-хаад* онгон был когда-то общеплеменным тотемным онгоном, в пользу чего говорит и тот факт, что на нем часто изображается рыба. Намек о былом значении налима как тотема следует видеть и в запрещении употреблять его мясо в пищу у тувинцев. Тувинцы говорили, что налим был когда-то женщиной, которая, рассердившись однажды на своего мужа, бросилась в воду и превратилась в рыбу.⁷

Буряты искали помощи водяных ханов при отравлении на рыболовный промысел, а также, по указанию шаманов, при некоторых болезнях.⁸

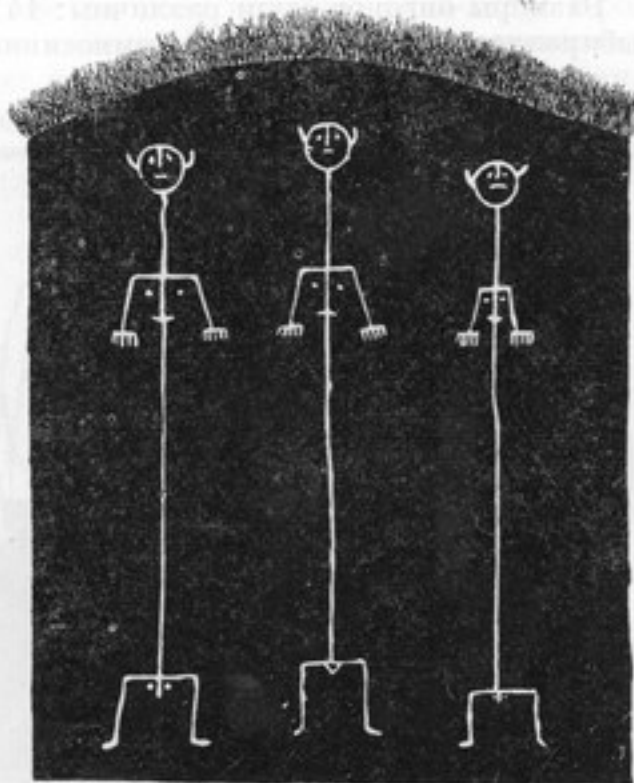

Рис. 5. Онгон хозяев огня. (Музей Казанского Гос. университета, без номера).

¹ G. Sandschejew, ук. соч., Anthropos, Bd. XXIII, N. 5—6, стр. 973.

² Н. Агапитов и М. Хапгалов, ук. соч., стр. 34—35.

³ Многие исследователи подчеркивают необходимость отличать *уһан-хаад* от других водяных духов (душ утопленников, водяных *бохолдоев*), принадлежащих к категории злых, вредящих человеку духов.

⁴ А. В. Потанина. Буряты, стр. 8—9.

⁵ Сказания бурят, записанные разными собирателями. Зап. ВСОРГО по этнографии, т. 1, вып. 2, Иркутск, 1890, стр. 147.

⁶ К. В. Вяткина. Пережитки материнского рода у бурят-монголов. Сов. этнограф., 1946, № 1, стр. 138.

⁷ В. Радлов, ук. соч., стр. 7—9.

⁸ ГМЭ, опись колл. № 403-62.

Водяные ханы считались покровителями рыболовных снарядов и орудий — шеста, весла, невода, морды и т. п.¹ Считалось, что каждый из водяных ханов владеет каким-нибудь одним орудием, так же как духи кузнецов — своими инструментами.

Изготовление онгона сопровождалось слабым жертвоприношением. Балаганские буряты держали онгон внутри юрты, на левой стороне, поблизости от двери.

Размеры онгонов были различны: 14×17 , 33×34 , 35×46 см. Материя выбиралась или одноцветная (темносиняя) или двойная — белая и синяя.

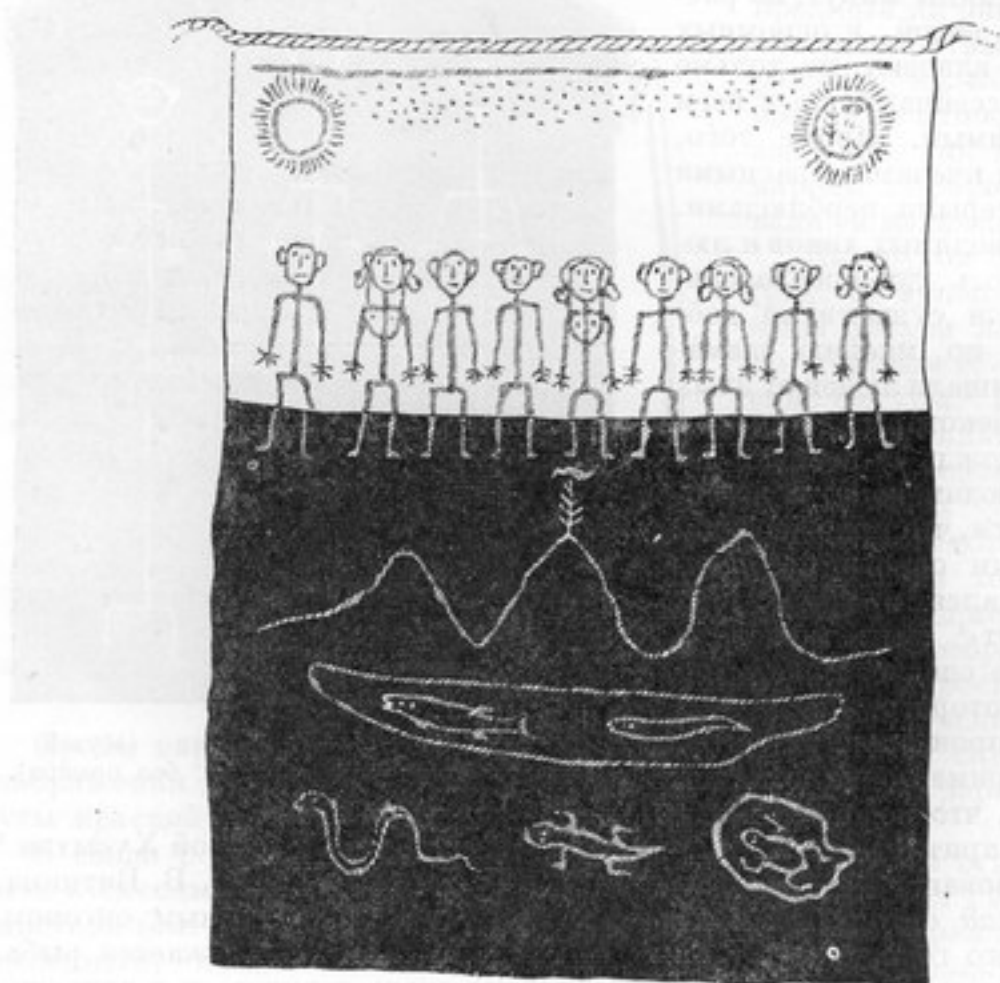

Рис. 6. Онгон водяных ханов. (ГМЭ, колл. № 1286-33).

Белая составляла верхнюю часть онгона (небо), а синяя — нижнюю (земля или вода). На материю красной краской наносились рисунки: человеческие фигуры, светила, горы, деревья, животные. Среди изображений людей на онгонах этой группы фигурируют как мужчины, так и женщины (рис. 6), супружеские пары. Они имеют личные имена, составные части которых являются не чем иным, как наименованиями неба, его свойств и состояния.²

Владыки воды рисуются в верхней части онгона, непосредственно под линией неба, и представляют собой девять одинаковых фигурок, стоящих в ряд, лицом к зрителю. Звезды изображены точками. Солн-

¹ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 36.

² Там же, стр. 35.

це и луна располагаются по углам, ниже линии неба (рис. 6). Под ногами ханов одна или три горы в виде волнистой линии. Эти горы служат как бы напоминанием о пути прохождения ханов с неба на землю. На центральной горе растет дерево, на вершине его сидит большая птица. Иногда вместо одного дерева рисуются три. Под линией гор — озеро, своей вытянутой формой напоминающее Байкал, и пруд, более круглый по форме. В озере плавают рыбы (пара), в пруде — лягушка. Горы, озеро и пруд представлены, впрочем, не на всех онгонах *yhan-xaag*. Кроме лягушки, в нижней части онгонов помещаются изображения змеи и ящерицы, а также других животных: коня, верблюда, быка. При описании онгонов упоминаются еще тюлень (водящийся в Байкале), пчелы и жуки.¹ На одном из онгонов имеется изображение лодки с веслом и шестом.²

На рис. 7 представлен онгон водяных ханов с меньшим числом животных: в нижнем ряду нарисованы лошадь и верблюд, над ними пчела (над лошадью) и змея (над верблюдом). Солнце и луна имеют вид крестообразно перекрещенных дисков. У фигур руки и ноги расставлены в стороны. Длина онгона 18, ширина 12 см.

Рис. 7. Онгон водяных ханов. (По Агапитову и Хангалову, 1883).

Нельзя не отметить, что рисунки и их расположение на онгонах этой группы напоминают близкие к ним по сюжетам изображения на хакасских бубнах. Возможно, что в данном случае перед нами не случайное сходство, а результат выражения одних и тех же религиозных представлений.

Какую идею хотел выразить рисовальщик, изображая на онгоне различных животных, сказать с полной уверенностью нельзя. Об этих изображениях мы имеем неполные и к тому же противоречивые сведения. Что касается пресмыкающихся и рыб, то с большой вероятностью можно предположить, что они олицетворяют собой подчиненных ханам животных, населяющих различные водные бассейны. Лягушки истолковываются иногда как собаки (превращенные) спустившегося с неба Горелойона.³ О верблюдах говорится, что они служат водяным ханам в качестве ездовых животных.⁴ Возможно, что верблюды, лошади и быки изображали собой животных, которых буряты посвящали антропоморфным духам, отчасти с целью предоставления в распоряжение этих духов транспортных средств, отчасти, может быть, мясной пищи (быки). Птица, сидящая на дереве, истолковывается иногда как царь-кукушка. Однако рассматривая комплекс изображений в целом (рис. 6), нельзя не заметить, что по содержанию он напоминает известные легенды бурятов о царе птиц Хан-Хэрэгдэ. Согласно этим легендам, птица неподвижно сидит на вершине большого царь-дерева, растущего на горе Сэмбэр-ула. В легендах фигурирует и змея *абарга*, о которой говорится, что она лежит

¹ МАЭ, опись колл. № 403-63. — Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 83.

² ГМЭ, опись колл. № 1286-35.

³ G. Sandschejew, ук. соч., *Anthropos*, Bd. XXIII, N. 5—6, стр. 973.

⁴ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 38.

под деревом, трижды обвившись вокруг него.¹ По другим вариантам бурятских легенд и сказок, Хан-Хэрэгдэ гнездится на дереве, растущем у «желтого моря», в котором живет змея.² В *абарга* видят не только змею, но также крупное морское животное, наделенное тринадцатью плавниками, благодаря чему оно иногда оказывается в роли царя рыб — «великой рыбы *абарга*».³ Птица Хан-Хэрэгдэ имеет гнездо на мировом дереве, где выводит своих птенцов. Название этой птицы является бурятским и монгольским вариантом санскритского Гаруда — имени, присвоенного огромной и сильной мифической птице, фигурирующей в образе орла или коршуна. Эта птица изображена на многих памятниках буддийского искусства Индии⁴ и нашла свое отражение в фольклоре различных народов Азии.⁵ Гаруда и *абарга* — смертельные враги: *абарга* и вообще змеи охотятся за птенцами Гаруды, а последняя в свою очередь поедает змей.⁶

Таков комплекс идей, связанных с царями птиц, рыб и змей, а также с мировым деревом, мировой горой и морем, — очевидно, мировым океаном. Мировая гора, мировое дерево, океан и цари различных животных — темы, достаточно известные в литературе по мифологии и верованиям различных народов Евразии, чтобы на них останавливаться подробнее. Для нас достаточно установить здесь лишь связь между этими древними сюжетами космогонического характера и изобразительным искусством бурят. Весьма вероятно, что некоторые сюжеты проникли к бурятам вместе с ламаизмом и, смешавшись с существовавшими до них религиозными идеями, вызвали к жизни те изображения, которые мы находим на онгонах водяных ханов. Однако рассматривать содержание и тематику этих онгонов как заимствованную извне мы не можем, поскольку идеи о мировом дереве, о хозяине птиц — орле и т. д. известны были бурятам и ранее. Ядро этих идей содержится в более древнем мировоззрении, которое нашло яркое отражение в шаманстве и анимистических представлениях многих народов Сибири. Что касается отдельных названий и имен, то они могли проникнуть к шаманистам от ламаистов вместе с более усложненными идеями и сюжетами, источник которых в прошлом был один и тот же.

Заслуживает внимания и сам термин *абарга*, *абырга*, *амырга*. Тувинцы под словом *амырга* подразумевали дракона.⁷ Если допустить, что представление о морском чудовище *абарга* заимствовано бурятами от китайцев, то становится понятным и предание, что это животное спустилось с неба — обычного местопребывания драконов, по старым представлениям китайцев. Этими же представлениями объясняется и двойственная природа *абарга*-драконов: они связаны с небом, но в то же время обитают в воде.

Некоторые сюжеты онгонов водяных ханов вводят нас в обширный круг памятников искусства и фольклора народов Азии. Эти сюжеты связаны с китайским фениксом, легендарной Гарудой индусов,⁸ древнепер-

¹ М. Н. Хангалов. Балаганский сборник. Сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят. Труды ВСОРО, т. V, Иркутск, 1903, стр. 189.

² Г. Н. Потанин. Сага о Соломоне. Томск, 1912, стр. 137.

³ Там же, стр. 119.

⁴ A. Grünwedel. Buddhistische Kunst in Indien. Berlin, 1893, стр. 47—50.

⁵ Об орле и сходстве его с Гарудой см.: Л. Я. Штернберг. Культ орла у сибирских народов. Сб. МАЭ, V, вып. 2, 1925.

⁶ Г. Н. Потанин. Сага о Соломоне, стр. 137, 139.

⁷ МАЭ, опись колл. № 650-36.

⁸ О Гаруде см.: W. J. Wilkins. Hindu Mythology Vedic and Puranic. Calcutta, 1882, стр. 374—379.

сидским вариантом ее Симургом, или Сэнмурвом,¹ и переднеазиатским грифом. Что касается человеческих фигур, то они, будучи позднейшей персонификацией воды, возникли из зооморфных образов хозяев морей, рек и озер. Впрочем, если судить не по названию, а по рисункам, то окажется, что онгон водяных ханов изображает собой не столько духов-хозяев воды, сколько природу в целом, т. е. небо, землю и воду. В почитании же этого онгона отразился главным образом культ воды как часть культа природы.

Горные онгоны. Горные онгоны — *ходайн онгод* — были распространены главным образом среди кудинских, верхоленских и ольхонских бурят. На онгонах изображались умершие шаманы, ставшие заяанами. Прежде чем обратиться к семантике этих изображений, необходимо сказать несколько слов о самих заяанах. Заяанами шаманисты называли духов двойного происхождения. С одной стороны, к ним причисляли потомков тэнгриев, т. е. небожителей, отношение которых к людям было, как полагали, различным: отчасти они покровительствовали и помогали им, отчасти вредили, насылая болезнь и даже смерть. С другой стороны, заяанами считались души умерших белых, большей частью могущественных шаманов, якобы попавшие на небо и сделавшиеся полубогами.² В отдельных случаях к заяанам причислялись и души простых людей, бывших при жизни хорошими мастерами или стрелками.³ Предки-шаманы, ставшие заяанами-покровителями, находясь в ведении западных ханов, должны были защищать своих сородичей и потомков от преследования вредных заяанов и черных духов, главным образом духов из числа душ умерших простых людей (не шаманов) и духов шаманов черного цикла.⁴ Покровители-шаманы фигурировали иногда на онгонах под именем горных старцев, якобы живших на небе и оказывавших покровительство людям. Для самих шаманов духи-предки имели особое значение: заводя знакомство в мире духов, они будто бы помогали шаману устанавливать необходимые связи с небожителями.⁵

Название «горные» онгоны получили потому, что у бурят было в обычае погребать своих шаманов среди гор и утесов.⁶ Шамана в полном облачении в сидячем положении помещали в пещеру или грот, вход в который закладывали камнями,⁷ оставляя лишь небольшое отверстие, предназначенное, очевидно, для «входа» и «выхода» души.⁸

¹ О Сэнмурве см.: К. В. Тревер. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л., 1937.

² М. Хангалов. Новые материалы о шаманстве у бурят. Зап. ВСОРГО по этнограф., т. II, вып. 1, Иркутск, 1890, стр. 83.

³ И. Подгорбунский. Идеи бурят-шаманистов о душе, смерти, загробном мире и загробной жизни. Изв. ВСОРГО, т. XII, № 1, Иркутск, 1891, стр. 29.

⁴ G. S a n d s c h e j e w, ук. соч., Anthropos, Bd. XXII, Н. 3—4, стр. 598.

⁵ Там же, Bd. XXIII, Н. 5—6, стр. 980.

⁶ Кроме отмеченного способа погребения, существовали и другие: покойников хоронили в колодах на деревьях или сжигали. Сожжение, видимо, было более древним способом погребения у бурят (см.: А. В. Потанин. Буряты, стр. 13). В этих случаях обряд погребения шаманов также старались совершать среди гор.

⁷ Нил, ук. соч., стр. 236.

⁸ Стой же целью делались отверстия в крышке шаманского гроба (см.: G. S a n d s c h e j e w, ук. соч., Anthropos, Bd. XXIII, Н. 5—6, стр. 984). В связи с этим следует вспомнить, что на некоторых ящичках для хранения онгонов (по форме напоминающих гробик) прорезывались такие же отверстия с целью облегчить душам возможность «входа» и «выхода».

Погребения в естественных пещерах среди скал были открыты в Забайкалье Ю. Талько-Гринцевичем в конце XIX в.¹ Этот способ погребения практиковался в свое время и в Монголии.²

Горные онгоны имели, таким образом, прямое отношение к культу шаманов-предков. М. Хангалов пишет, что «каждая местность, каждый род и улус... имеют своих отдаленных заяанов из числа покойных шаманов и шаманок».³ Отсюда следует, что онгоны с изображениями горных старцев должны быть отнесены к числу родовых онгонов.⁴

Имея своим местопребыванием горные районы, старцы оказались также в роли хозяев отдельных местностей; к ним буряты обращались иногда с просьбами об удачной охоте.⁵

Горные онгоны изготовлялись шаманами для женатых людей вскоре после их свадьбы⁶ и хранились в гнездах, выдолбленных для этой цели на деревянных столбах,⁷ установленных на горе. В способе хранения этих онгонов нельзя не видеть отражения вторичного погребения останков шаманов внутри деревьев, практиковавшегося среди бурятов еще в начале текущего столетия.⁸

В группу горных входили онгоны различных типов. У кудинских бурятов прежде всего делали так называемый *табан зурагтан* онгон, т. е. «пять нарисованных онгон». Его рисовали на одном или двух кусках шелковой или парчовой ткани размером приблизительно 20×20 см. Среди рисунков этого онгона центральное место занимали человеческие фигуры числом от трех до пяти; над каждой из них прикреплялось перышко. К груди их прикрепляли вырезанные из жести или латуни человеческие фигурки. Внизу онгона рисовались иногда в два ряда вертикальные и пересекающиеся накрест линии.⁹ На других онгонах жестяные фигурки отсутствовали (рис. 8). На некоторых экземплярах, вывезенных из бывш. Верхнеудинского ведомства, в нижней части онгона можно видеть изображение лука с натянутой стрелой и какое-то животное, скорее всего собаку (рис. 9). Замечание М. Хангалова о том, что на онгонах отсутствуют

¹ Ю. Талько-Гринцевич. 1) Древние памятники западного Забайкалья. Труды XII археолог. съезда в Харькове, 1902 г., М., 1905, стр. 504; 2) Материалы по палеонтологии Забайкалья. Труды Троицко-Савско-Кяхтинск. отд. Русск. Географ. общ., т. 1, вып. 3 за 1898 г., М., 1900, стр. 76.

² Н. Ф. Катанов, изучавший в конце XIX в. тувинцев, сообщает, что они также относили умерших шаманов на высокую гору и там совершали обряд погребения (Очерки Урянхайской земли. 1890, стр. 169. Библиограф. Инст. этнограф., шифр Н-65).

³ М. Хангалов. Новые материалы о шаманстве, стр. 84.

⁴ Аналогичные представления отмечены у китайцев. Они считали горы местом, наиболее подходящим для погребения покойников. Отсюда в народе сложилось убеждение, что горы являются местом пребывания душ умерших. Наряду с этим китайцы верили и в других безличных и безымянных обладателей и правителей гор, считавшихся священными (С. Георгиевский. Мифические воззрения и мифы китайцев. СПб., 1892, стр. 43—44).

⁵ Представление о хозяевах мест не ограничивалось горными старцами. У аларских бурятов хозяевами мест считались так называемые *эжэны*, которые будто бы вели свое происхождение от духов умерших людей. Хозяевами мест считались также некоторые из ханов, например *yhan-xaad*.

⁶ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 75.

⁷ МАЭ, опись колл. № 1635-3/в.

⁸ Первичное погребение шаманов состояло в сожжении трупа. После этого остатки костей его собирали, складывали в мешочек и помещали в специально вырезанное для этой цели углубление в стволе дерева (вторичное погребение). Отверстие заделывали затем так искусно, что по прошествии некоторого времени его нельзя было обнаружить (Изв. Русск. комитета для изуч. Средней и Восточной Азии, сер. II, № 2, СПб., 1913, Отчеты о командировках, стр. 101).

⁹ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч. стр. 75.

изображения солнца, луны и звезд, не подтверждается музейным материалом.¹

Среди человеческих фигур чаще всего встречаются или только мужские, или только женские. Всем им присвоены личные имена.²

На *арбан зурагтане* (буквально — «десять нарисованных») число человеческих фигур доходит до десяти (рисуются они на двух лоскутках материи — белом и синем), а на *арбан табан зурагтане* («пятнадцать нарисованных») — до пятнадцати (рисуются на трех лоскутках). Среди духов фигурирует Хорёдой Моргон³ с женой Хобоши Хатан.⁴ На одном

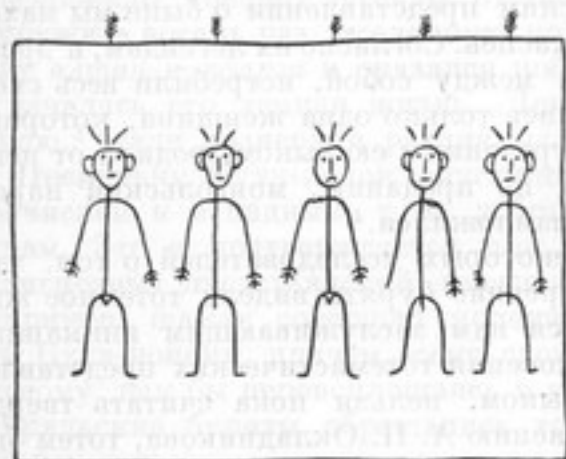

Рис. 8. Горный онгон. (По Хангалову, арх. ГМЭ, № 29, тетр. 44, стр. 1240).

Рис. 9. Горный онгон. (ГМЭ, колл. № 1635-3/в).

горном онгоне, принадлежащем Иркутскому музею, нарисована человеческая фигурка, к которой на месте кистей рук пришиты металлические изображения колчана и лука со стрелой, на груди — металлическая фигурка человека, над головой — перо, под ногами — вырезанная из железа собака, помещенная на фоне не вполне ясно нарисованного шаманского *ширээ* (рис. 10). Атрибуты фигуры указывают как на шамана, так и на охотника; это дает основание предполагать, что духи горных онгонов рассматривались прежде как покровители охотничьего промысла. В этой связи нельзя не вспомнить о культе родовых гор у народов Саяно-Алтайского нагорья, в частности у алтайцев, шорцев и хакасов, тесно связанном в прошлом с молениями об удаче на охоте. Интересные данные об этом культе опубликованы Л. П. Потановым.⁵

Человеческие изображения на различных экземплярах горных онгонов имеют неодинаковый характер, что можно заметить и по приведенным рисункам. Наряду с тонкими однолинейными фигурами встречаются фигуры, исполненные при помощи небрежной толстой линии, а также контурные рисунки.

¹ На горном онгоне № 365-9 из коллекций ГМЭ нарисованы линия неба, солнце и луна.

² ГМЭ, опись колл. № 365-9. — М. Хангалов. Материалы по этнографии. . . , тетр. 44, стр. 1240.

³ Имя легендарного предка бурятов-хоринцев.

⁴ А. В. Потанина. Буряты, стр. 72.

⁵ Л. П. Потанов. Культ гор на Алтае. Сов. этнограф., 1946, № 2, стр. 146—160.

Онгоны Быка и его сыновей. Эти онгоны принадлежат к очень интересной серии племенных онгонов и имеют, по-видимому, древнее происхождение. Под именами господина Быка — Буха-нойона — или господина Быка-отца — Буха-нойон-бабай — буряты, принадлежавшие к племенам эхирит и бугалат, почитали своего родоначальника, мифического небесного быка-пороза.¹ Из всех героев шаманского пантеона он пользовался наибольшей популярностью,² причем последняя далеко не ограничивалась пределами распространения двух указанных племен. Буха-нойона почитали и другие буряты, например кудинские, кансальские и балаганские, а также аларские и тункинские буряты-ламаисты.³

Рис. 10. Горный онгон (деталь). (Иркутский музей, альбом П. П. Хороших, № 14-165-1).

Близкие к бурятским представления о быке мы находим и у монголов-халхасцев. Согласно их легендам, в древности два хана, воюя между собой, истребили весь свой народ. В живых осталась только одна женщина, которая, вступив в связь со встреченным ею быком, родила от него двоих детей. От них, по преданию, монгольский народ впоследствии вновь размножился.⁴

Предположение некоторых исследователей о том, что в лице Буха-нойона древние буряты видели тотемное животное,⁵ представляется нам заслуживающим внимания; однако время возникновения тотемистических представлений, связанных с быком, нельзя пока считать твердо установленным. По мнению А. П. Окладникова, тотем быка восходит в эпоху материнского рода,⁶ А. Н. Бернштам полагает, что появление быка как тотема связано с формированием патриархальных отношений и что на более позднем этапе бык из родового тотема превратился в тотем племенной.⁷ Поскольку мифы и легенды о быке-прародителе известны не только бурятам, но и собственно монголам, а также некоторым тюркоязычным народам Центральной и Средней Азии (уйгуры, туркмены), вопрос о тотемистических представлениях, связанных с быком, следует, как нам кажется, рассматривать на более широкой исторической основе, привлекая для этой цели дополнительный этнографический материал.

Бурятские представления о Буха-нойоне несомненно пережили долгую эволюцию. Их характер, судя по записям мифов и легенд, относящихся к XIX и XX вв., свидетельствует о том, что образ быка стал уже космическим, а местопребывание быка было перенесено на небо, вследствие чего утратилось прежнее отношение шаманистов ко всем представителям этих животных. Быки, как правило, замечает Л. Я. Штернберг,

¹ Порозом в Сибири называют некастрированного быка.

² G. Sandschejew, ук. соч., Anthropos, Bd. XXII, Н. 5—6, стр. 948—949.

³ С. В. Копылов, ук. соч., стр. 621.

⁴ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. II, стр. 162.

⁵ G. Sandschejew, ук. соч., Anthropos, Bd. XXII, Н. 5—6, стр. 951.

⁶ А. П. Окладников. Очерки по истории западных бурят-монголов XVII—XVIII вв. ОГИЗ, 1937, стр. 280.

⁷ А. Н. Бернштам. Изображение быка в находках из Ноин-Улиских курганов. Журн. «Проблемы истории докапиталистических обществ», Л., 1935, № 5—6, стр. 130.

уже перестали рассматриваться бурятами как класс тотемных животных.¹

Тотемистические представления, таким образом, сосредоточились только вокруг главного персонажа, творца этих животных. По рассказам бурят, божественный бык связан с целым рядом героев-небожителей. По одной версии, он принадлежит к стаду самого владыки неба Эсэгэ-Малаан тэнгри, причем пасет его Ухаа Солбон, пастух Эсэгэ-Малаан энгри. Другие источники повествуют о том, что Буха-нойон сам был в роли пастуха у Эсэгэ-Малаан тэнгри. Иногда Буха-нойон выступает даже в качестве сына неба. В то же время он имеет некоторое отношение и к восточным (злым) духам, поскольку его дочь, будучи злой и капризной, вышла замуж за Эрлен-хана,² владыку ада, хозяина страны мертвых.

Однажды, говорят легенды, отстав от своего стада, этот небесный бык, «окружив» восемь раз вселенную по горизонту, спустился на священную гору *алтан-мундарга* и оказался поблизости от Байкала. С этого момента и началась его земная жизнь. Девять сыновей Буха-нойона, попав на землю,³ стали хозяевами различных местностей.⁴

Поскольку Буха-нойон «спустился» с западного неба, он должен быть причислен к западным, т. е. добрым и благожелательным к человеку духам. Это и подтверждается при рассмотрении некоторых обрядов и религиозных представлений, имеющих отношение к Буха-нойону. Когда, например, шаман совершал моление западным ханам, он обращался и к Буха-нойону, причем всеми своими действиями подражал этому животному, как бы перевоплощаясь в него.⁵ К помощи Буха-нойона северо-байкальские буряты обращались только при некоторых заболеваниях, так как считали его своим прямым заступником.⁶ В этой роли он являлся распорядителем жизни, подателем всякого счастья и управителем шаманистов. Кроме того, Буха-нойон призывался при бракосочетаниях, причем у него спрашивали для жениха и невесты счастья, богатства и плодовитости. В сказаниях говорится, что он размножил потомство бурят подобно водному источнику, подобно снегу.⁷ При обращениях Буха-нойона величали отцом или батюшкой. Величественный и яркий образ его рисуется в одной шаманской молитве в следующих выражениях: «Буха-нойон, батюшка!.. развесисто большими рогами верхнюю вселенную упираешь! Отвисшим бойноком (подшейной кожей, — С. И.) нижнюю вселенную упираешь! Когда ты бежишь, десяти тысяч лошадиный топот издаешь. Когда ты кричишь, восьми тысяч порозиный рев издаешь».⁸

Играя значительную роль в мифологии, фольклоре и религиозной практике бурят в прошлом, образ Буха-нойона нашел свое выражение и в изобразительном искусстве, в рисунках на специальных онгонах, названных именем этого животного.

¹ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия. Л., 1936, стр. 496—497.

² В фольклоре и культе тюрко-монгольских народностей южной Сибири культ Эрлена, или Эрлика, имел широкое распространение. Сохранился он и в ламаизме. В ламаистском искусстве Эрлен изображается с бычьими рогами и головой, следовательно, восходит к тому же древнему образу быка (см.: Г. Потанин. Сага о Соломоне, стр. 34; Сказания бурят, записанные разными собирателями. Зап. ВСОРО по этнограф., т. 1, вып. 2, Иркутск, 1890, стр. 145).

³ С. В. Копылов, ук. соч., стр. 621, 622.

⁴ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 25.

⁵ А. В. Потанин. Буряты, стр. 31.

⁶ Н. Щукин. Шаманство у народов Северной Азии, стр. 28—29.

⁷ С. Шашков. Шаманство в Сибири. Зап. Русск. Географ. общ., СПб., 1864, стр. 42.

⁸ Н. Чистохин. Две шаманские молитвы. Изв. ВСОРО, т. XXVI, № 4—5, Иркутск, 1896, стр. 282.

Онгоны Быка подвешивались к стене внутри юрты, на западной (мужской) половине ее.¹ Ввиду особого интереса, который имеют эти изображения, опишем три экземпляра их, хранящиеся в Государственном Музее этнографии народов СССР.

На первом онгоне (рис. 11), размером 20×22 см, на темносинем фоне изображены небо в виде узкой полосы, звезды, солнце и луна. На луне

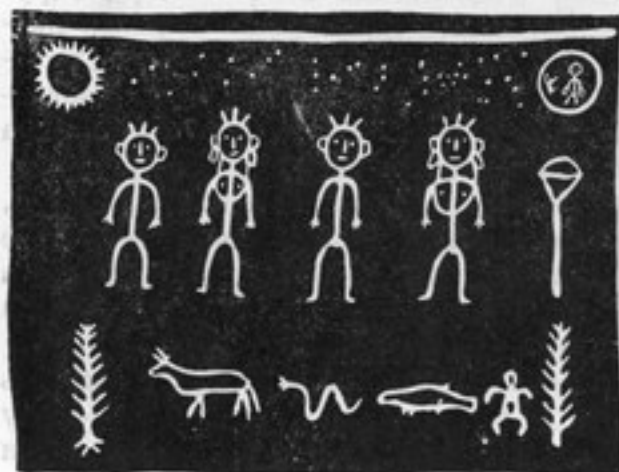

Рис. 11. Онгон Быка. (ГМЭ, колл. № 403-65).

помещена человеческая фигура и куст. Под небом в обычной линейной манере нарисованы четыре человеческие фигуры: левая представляет собой соболиного господина Булган-нойона с женой, по некоторым легендам — сына Буха-нойона; за ним следует сам Буха-нойон-бабай с супругой Будан-хатан-ибии, т. е. «Туман-ханша-мать». Рядом с последней нарисована сеть для лова рыбы. Женские фигуры отличаются от мужских тем, что у них изображены груди, косы и серьги. Ниже, по сторонам, помещены два дерева, а между ними животные: бык, змея, рыба и лягушка. Онгон привязан к двум кривым деревянным планкам, представляющим собой модель ярма, которое надевается быку на шею.²

Другой онгон, 17×40 см (рис. 12), также имеет вверху линию неба, солнце, луну и звезды. Под небом расположено шесть человеческих фигур — сыновей Буха-нойона. Их должно быть девять, но для последних трех

Рис. 12. Онгон Быка. (ГМЭ, колл. № 1635-79).

фигур, очевидно, не хватило места. По нижнему краю онгона проходит полоса земли, на которой расположены полуовалы — девять высоких снежных гор *мундарга*, на которых стоят шесть быков; седьмой бык нарисован над первым, восьмой и девятый — в правом углу. Повидимому, формат материи оказался для рисовальщика неудобным, и ему пришлось

¹ ГМЭ, опись колл. № 1286-31.

² При публикации этого онгона в нашей работе «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в.» (гл. V, рис. 19) по недосмотру автора рисунки на онгоне оказались расположенными в обратном порядке.

в отдельных случаях отступать от правила. По сторонам гор расположены два кедра, а справа, в нижней части онгона, — две рыбы, ящерица, змея и пруд с лягушкой. Вверху справа имеется еще одно дерево, нарисованное с корнями, — прием, который можно наблюдать не только на рисунках бурятов, но и в искусстве некоторых других народов Сибири. Этот прием вполне естествен для первобытного реалистического искусства, скорее допускающего отделение дерева от земли (ибо это два разных «существа», хотя и связанные друг с другом), чем рисунок дерева без корней, поскольку такого дерева в природе не существует.

В изображениях быков следует, очевидно, видеть тех же сыновей Буха-нойона, более поздний образ которых представлен человеческими фигурами. На онгоне, следовательно, даны одновременно и зооморфные, и антропоморфные образы быков. Этот момент сам по себе очень интересен. Он свидетельствует о том, что в религиозном сознании бурятов в последний период бытования онгонов, т. е. в конце XIX и начале XX вв., еще удерживалось воспоминание о былых животных тотемах, которые хотя и отошли на задний план (на рисунках, например, животные изображены под человеческими фигурами), уступив место антропоморфным их изображениям, но не исчезли из памяти окончательно. Для первобытного искусства онгоны с изображением сыновей небесного быка интересны в том отношении, что дают в различной форме один и тот же сюжет, соединяя, таким образом, в одном произведении два разновременных этапа развития религиозных представлений.

Профильные контурные фигуры быков обнаруживают реалистические черты: подчеркнуты толстый загривок быков и характерная свисающая вниз грудная складка кожи, о которой упоминается в молениях. Наряду с этим по непонятной причине у всех быков отсутствуют хвосты. Онгон прикреплен к деревянной палочке, имеющей форму развилины.

Третий онгон (рис. 13) примыкает к предыдущему, но вытянут сверху вниз. На нем вверху нарисованы два дерева и девять человеческих фигур. Последняя из них толще других и имеет ноги, ступни которых направлены в одну сторону, несмотря на фасовое положение корпуса. Такое положение ног для бурятских рисунков составляет исключение. На остальных восьми фигурах ступни ног поставлены врозь.

Горы на рисунке отсутствуют. В правом нижнем углу нарисовано озеро с впадающей в него рекой,¹ которая отчасти напоминает горы на предыдущем онгоне.

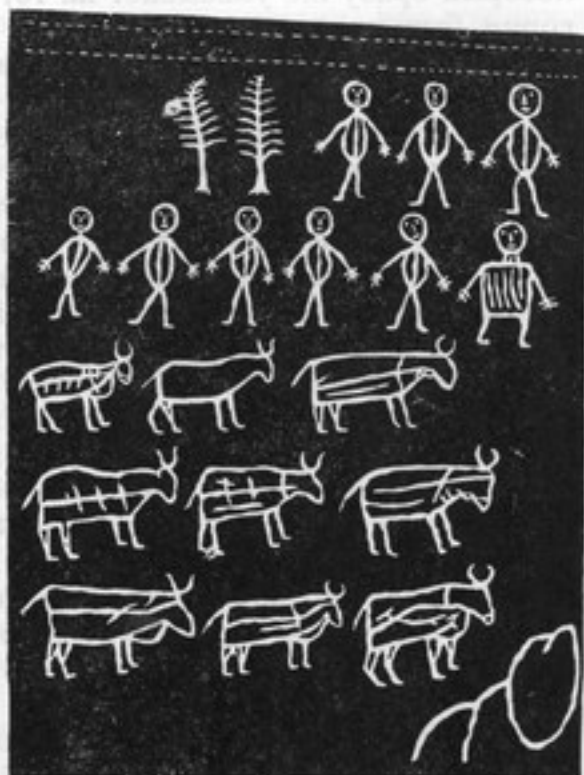

Рис. 13. Онгон Быка.
(ГМЭ, колл. № 1286-31).

¹ ГМЭ, опись колл. № 1286-31.

Девять крупных изображений быков, помещенных в нижней части онгона, следует отнести к числу наиболее удачных. Отдельные линии и пересечения их, заполняющие у большинства фигур пространство внутри контура тела, означают полосы и пятна на шкуре, что, впрочем, является несколько неожиданным, так как буряты обычно рисовали животных в виде силуэта. Количество быков на этом рисунке строго соответствует числу человеческих фигур. К верхнему краю материи при помощи ремешков прикреплены два дугообразных деревянных ярма, присутствие которых сразу же указывает на то, что изображение принадлежит к категории бычьих онгонов.

Отношение описанных онгонов непосредственно к скотоводству остается пока неясным. Насколько можно судить по имеющимся записям, онгоны эти не служили целям охраны скота. Эта функция приписывалась телячьим онгонам, о которых речь будет ниже.

Большой интерес приобретают рисунки на онгонах Буха-нойона в связи с найденными в 1924 г. в ноинулинских курганах северной Монголии серебряными штампованными бляхами, датируемыми I в. н. э. Между изображениями на бляхах и рисунками на онгонах существует несомненное сходство, особенно в некоторых деталях. Оно обнаруживается не только в сюжете, но и в самой трактовке отдельных изображений. И тут и там представлены горы, имеющие вид полукружий; далее мы видим деревья, расположенные рядом с животными или, за отсутствием места, сзади них (на одной из блях).¹ Совпадение сюжетов и особенностей трактовки изображений едва ли следует рассматривать как случайное. Несмотря на огромный промежуток времени, отделяющий ноинулинские находки от бурятских онгонов, представления, связанные с теми и другими памятниками искусства, относятся, повидимому, к одному и тому же кругу идей, широко распространенному в Азии как в древности, так и в недавнем прошлом.

Интерпретируя сюжеты на упомянутых бляхах, А. Н. Бернштам, ссылаясь на Джувейни, приводит легенду о происхождении уйгуров, согласно которой родоначальник уйгуров по имени Бука-хан (т. е. «Бык-хан») родился вместе с четырьмя братьями из горы, по сторонам которой росли две сосны.² Указанный Буха-хан, отмечает Бернштам, является также и родоначальником бурят. В той же статье автор отмечает и некоторые моменты из преданий о родоначальнике турецкого народа Огуз-хане, который родился от связи женщины с быком.³

Не менее интересно присутствие как на бляхах, так и на онгонах изображений деревьев, расположенных рядом с быками. Те и другие деревья принадлежат к классу хвойных. На бляхах это — пихты, на онгонах — также пихты или кедры. В легендах о Буха-нойоне рассказывается, что на дорогах, по которым проходил этот бык, сейчас же вырастали кедры или пихты.⁴

Таким образом, основываясь, с одной стороны, на религиозных идеях, связанных с изображениями Буха-нойона, с другой — опираясь на обширный круг легенд и мифов о быке, разработанных народами главным образом

¹ Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии. Изд. Акад. Наук СССР, Л., 1925, табл. 1.

² А. Н. Бернштам, ук. соч., стр. 127—128.

³ См. об этом также в статье С. П. Толстова «Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен» (Журн. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 15—17).

⁴ И. Подгорбунский. Из мифологии бурят-монголов шаманистов, стр. 29. — К. Риттер. Землеведение Азии. Восточная Сибирь. СПб., 1894 (дополнение к 1-му изданию 1879 г.), стр. 98.

тюрко-монгольского происхождения, мы можем предполагать, что религиозные представления бурят о Буха-нойоне являются лишь позднейшими вариантами более древних представлений о быке-прародителе, обнаруженных у целого ряда народов Средней, Центральной и Восточной Азии.

Онгон хозяев козла. Значение козла в религиозных обрядах и верованиях бурят недостаточно выяснено. Известно, что наряду с быком и медведем он принадлежал к числу обоготворяемых животных,¹ культ которых уходит своими корнями в глубокую древность. Еще в XIII в. Вильгельм де Рубрук, наблюдая монголо-татар, отметил, что «госпожа дома помещает у своего правого бока, у ножек постели на высоком месте козлиную шкурку (чучело? — С. И.), наполненную шерстью или другой материей,² а возле нее маленькую статуэтку, смотрящую в направлении к служанкам и женщинам».³ Это наблюдение, не раскрывая значения культа козла в ту эпоху, указывает тем не менее на то, что к этому культу имела какое-то отношение женщина, хозяйка дома.

В XIX в. буряты держали онгоны с изображениями хозяев козла в специальных деревянных ящичках, помещавшихся на мужской половине юрты, налево от входа.⁴

В преданиях рассказывается, что заговорщики вместо клятвы ели мясо черного козла и пили его кровь.⁵ По достижении мальчиками шестилетнего или семилетнего возраста в дом приглашались шаманы, которые совершали жертвоприношение сыну неба Шара-тэхэ эжэну — хозяину желтого козла. При этом закалывали домашнего козла, ели его мясо, а кости сжигали на жертвеннике.⁶

Культ козла имел отношение к шаманству. Так, при обряде посвящения шаманы мазали себе голову, глаза и уши теплой кровью козла с целью освящения.⁷ Той же кровью они обрызгивали свои атрибуты во время обряда их омовения и обновления. Часть крови при этом выпивали.⁸ У кудинских бурят Манита Манжил — один из пастухов Эсэгэ Малаан тэнгри, разъезжающий на козле, являлся в то же время покровителем шамана и посредником между ним и духами неба (тэнгриями, ханами). Считалось, что он оберегал шамана от злых заяанов и духов.⁹ Некоторый свет на связь культа козла с шаманством проливают неопубликованные материалы В. Михайлова, собранные им в 1912 г. среди кудинцев. Согласно религиозным представлениям последних, «между небом и землей находится божество, принадлежащее и небу, и земле, по имени Телети (очевидно, Тэхэтэ, — С. И.) шара бурхан тэхэ шара Манжилай, т. е. «обладатель козлов, желтый бурхан, желтый козел Манжилай».¹⁰ Пространство, заключенное между небом и землей, шаманисты представляли

¹ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 72—73.

² Интересно отметить, что чучело черного козла еще в конце XIX в. фигурировало в религиозных обрядах монголов-широнголов. Весной, когда хотели предохранить поля от градобития, закалывали козла и выставляли его чучело на пашне, привязав к небольшому деревцу (А. Потанин. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895, стр. 109).

³ Плано Карпини, ук. соч., стр. 71.

⁴ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 87.

⁵ Г. Потанин. Восточные мотивы в средневековом эпосе. М., 1899, стр. 514.

⁶ С. Копылов, ук. соч., стр. 631.

⁷ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 140.

⁸ Изв. Русск. комитета для изуч. Средней и Восточной Азии, сер. II, № 2, СПб., 1913, Отчеты о командировках, стр. 104.

⁹ М. Н. Хангалов. Новые материалы о шаманстве у бурят, стр. 2.

¹⁰ В. А. Михайлов, ук. соч., стр. 35—36.

себе в виде особого воздушного мира, отличного от неба. В этом мире вместе с Манжилаем пребывают и девять дочерей Солбона (Венеры), с которыми небесный козел состоит в интимных отношениях. С теми же дочерьми завязывают любовные связи и души молодых шаманов, которые, согласно рассказам шаманов, отправляются на небо для обучения шаманскому искусству. Этому-то Манжилаю во время шаманского ритуала и приносили в жертву домашнего козла. Наряду с другими высшими духами Манжилай упоминался у кудинцев почти при всех жертвоприношениях.¹

В легендах хоринских бурят, собранных в 70-х годах XIX в., Манжилай называется «неразумным желтым сыном неба», относится к западным тэнгриям и считается целителем людей, а также божеством, делающим людей шаманами.² В. Михайлову удалось выяснить, что Манжилай считался у кудинцев покровителем чадородия, чувственных страстей, а также подателем земного богатства. Стоило ему взглянуть на супругов, потерявших взаимное влечение, как между ними будто бы тотчас же восстанавливалась прежняя любовь.³

Приписывание козлу особой производительной силы напоминает значение этого животного в древнегреческих мифах и культах Диониса, Пана, Приапа и сатиров, где козел выступает в качестве похотливого существа.⁴ Очевидно, в связи с указанным значением в духах хозяев козла, иногда считавшихся шаманами, буряты видели покровителей домашнего скота, а в некоторых случаях и покровителей женщин. Известно также, что этим духам приписывались и вредные для человека действия, например насылание болезней, главным образом головной боли.⁵

Изображения козлов (диких) занимали значительное место и в искусстве алтайцев,⁶ но там козлы изображались в своем зооморфном облике. На онгонах бурят фигур самих козлов отсутствуют. Что касается их духов-хозяев, то последние представлены антропоморфными изображениями. На рис. 14 приведены два таких изображения, сделанные балаганскими бурятами. На этих рисунках мы видим хозяина козла Ямани эжэна и его жену Хулагшин-хатан. Фигуры нарисованы на лоскутке розовой парчи. Наверху расположены звезды (созвездия?), солнце, луна и линия неба. Под ногами фигур имеется *ширэз*, над головами пришито по перышку. Размеры онгона небольшие, всего 10×17 см. Траптовка человеческих фигур упрощенная. На рисунках этого онгона мы видим полное завершение процесса антропоморфизации животных. Однако кудинские буряты объясняли Михайлову, что Манжилай, хотя и представляет собой мужчину средних лет, но может по желанию превращаться в козла.⁷

Не вполне выясненным остается вопрос о том, к какому времени следует относить зарождение культа козла. Тесная связь этого культа со скотоводством в позднейший период истории бурят еще не решает вопроса о генезисе этого культа. Наличие большого количества изображений горных (диких) козлов среди наскальных рисунков Монголии, Алтая,

¹ В. А. Михайлов, ук. соч., стр. 38.

² Летописи хоринских бурят, стр. 96, прим. 78е.

³ В. А. Михайлов, ук. соч., стр. 36.

⁴ Е. Г. Кагаров. Культ фетишей, животных и растений в древней Греции. СПб., 1913, стр. 263.

⁵ МАЭ, опись колл. № 866-4.

⁶ С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в., гл. IV, рис. 53.

⁷ В. А. Михайлов, ук. соч., стр. 35—36.

Туву и Средней Азии говорит в пользу предположения, что культ этих животных уходит своими корнями в охотничью практику. Некоторый намек на это содержится, как нам кажется, и в религиозных представлениях бурят, согласно которым дух козла (или его хозяин) обитает не на небе и не на земле, а в пространстве, заключенном между небом и землей, т. е. как бы на высоких горах, на которых, как известно, обычно водятся горные козлы. В период развития скотоводства и ослабления охоты культ козла из охотничьего мог превратиться в культ скотоводческий.

Онгон Анда Бара. Анда Бара — «друг (товарищ) Бар», Бар убгэ(н) — «старик Бар» или просто «Бар» отмечен у балаганских, аларских и кудинских бурят, занимавшихся звероловством. Изготавливался он чаще всего с целью получения хорошего улова зверя, но предполагалось, что он способствует также удачному ведению торговых операций, обеспечивает здоровье детей и домашнего скота, особенно телят, и излечивает чесотку.¹

По объяснениям бурят, на онгоне Анда Бара изображен умерший шаман и его жена, поэтому к онгону нередко прикрепляли небольшую модель бубна. Изображения вырезывались из дерева, металла или из кусочка красного сукна. Изредка встречались изображения, нарисованные краской на полоске красного сукна, с пришитыми к нему небольшими жестяными фигурками, олицетворявшими душу Бара. Полоска с изображением прикреплялась к маленькому деревянному бубну с колотушкой.²

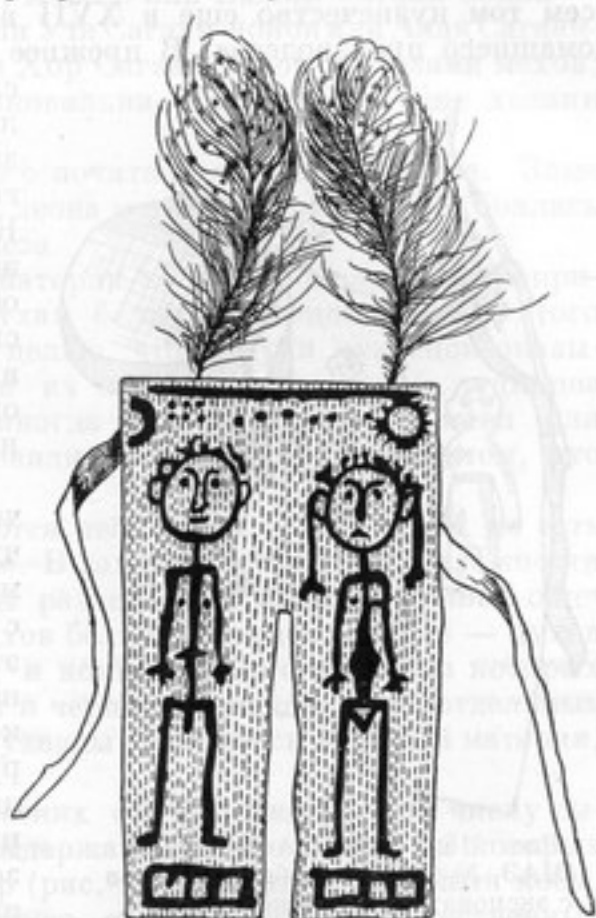

Рис. 14. Онгон хозяев козла.
(ГМЭ, колл. № 365-15).

На рис. 15 представлен онгон Бар, хранящийся в Иркутском музее. Он состоит из деревянной развилки, к которой прикреплены две тряпочки с изображениями старика Бара и его жены, бубен и ленты с насаженными на них бусинами. Фигуры людей вырезаны из металлической пластинки и пришиты к лентам. Изображения фасовые, ноги и руки слегка расставлены.

Дарханай онгон или **дарханай зураг**. Названия онгонов в переводе на русский язык означают: «кузнеца онгон» или «кузнеца рисунок».

Еще в старину, до знакомства с русскими, кузнечное искусство достигло у бурят considerable развития. Судя по рассказам бурят,

¹ М. Н. Хангалов. Материалы по этнографии. . . , тетр. 52, стр. 1467—1468. — Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 113, 122. — П. Полторацкий. Пушной промысел в Тукинском районе. «Жизнь Бурятии», 1929, № 1, стр. 100.

² ГМЭ, колл. № 1275-36 (аларские буряты).

особенно много кузнецов было среди аларцев, в частности у булутов, у которых почти все члены рода были кузнецами. К ним обращались с заказами из самых отдаленных районов.

Кузнецы умели выплавлять железную руду и выделывали из железа самые разнообразные предметы: хозяйственные орудия, копыя, рогатины, части конской упряжи, подвески для шаманских костюмов и другие вещи. Они же украшали серебряной насечкой железные накладки для колчанов и налучий и изготовляли разнообразные украшения из серебра.¹ При всем том кузнечество еще в XVII в. продолжало оставаться в рамках домашнего производства. В прежнее время бурятские ремесленники, по

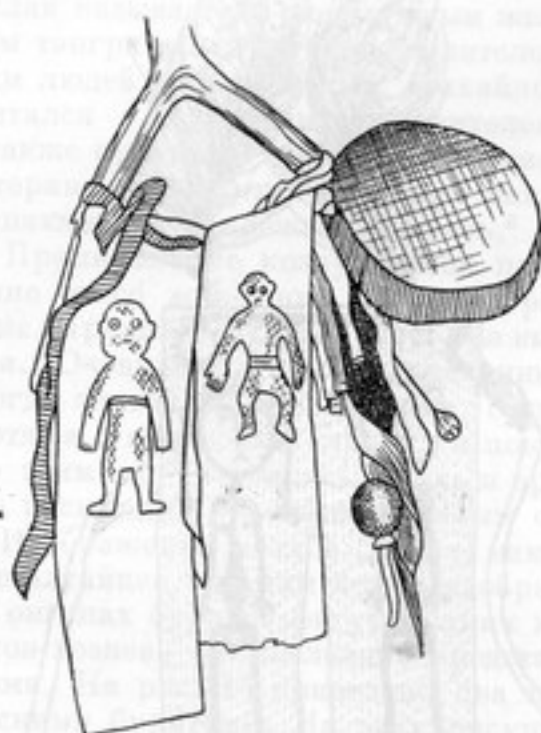

Рис. 15. Онгон Анда Бара. (МАЭ, № 1815-6, альбом рисунков с экспонатов Иркутского музея).

словам А. П. Окладникова, не брали со своих сородичей никакой платы за изготовление украшений и других предметов домашнего обихода.² Кузнецы пользовались большим уважением. В XIX в. они составляли обособленную группу, передавая свое ремесло от отца к сыну. Если в улусе было несколько кузнецов, они чаще всего оказывались родственниками.

Кузнецы разделялись на белых и черных. Из содержания легенд видно, что белые кузнецы имели дело преимущественно с серебром, а черные — с железом.³ В какой мере отражали эти легенды действительное положение вещей, сказать трудно. Во всяком случае кузнецы, которых застали русские, были одновременно и ювелирами.⁴ С кузнецами было связано прежде много преданий и рассказов легендарного характера. Кузнецы играли значительную роль в мифологии и верованиях бурят.⁵ Со-

гласно одной из легенд, первый шаман был одновременно кузнецом и обладал таким могуществом, какого не достиг ни один из последующих шаманов. Бурятские шаманы считали его своим покровителем, совершали в честь него обряды возливания воды на раскаленную наковальню и били при этом по ней молотом.⁶

Небесными покровителями белых кузнецов считались белые зайяны; черные кузнецы обращались за помощью к черным зайянам. Происхождение кузнечного ремесла связывалось с западными тэнгриями. В легендах рассказывается о том, как эти тэнгрии, желая помочь людям, послали на землю девять сыновей белого небесного кузнеца Божинтой. Сам Бо-

¹ Д. Клеменц и М. Хангалов. Общественные охоты у северных бурят. Материалы по этнограф. России, т. I, СПб., 1910, стр. 26.

² А. П. Окладников. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937, стр. 368, примеч. 4.

³ G. Sandschejew, ук. соч., Anthropos, Bd. XXIII, N. 3—4, стр. 539.

⁴ И. А. Молодых и П. Е. Кулаков. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб., 1896, стр. 235.

⁵ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 22—23.

⁶ Г. Потанин. Ерке. Культ сына неба в Северной Азии. Томск, 1916, стр. 25.

жинтой — хозяин всех кузнецов — остался будто бы на небе, сыновья же его научили людей ковать и обрабатывать металлы.

У балаганских бурятов записаны следующие имена сыновей Божинтой: 1) хан Сагаан-нойон или хан Сагаан дархан — хозяин искры, а по другим данным — заступа; 2) Шукчи или Шекши Сагаан-нойон — хозяин инструмента для вытягивания проволоки, а по другим данным — винто-резной доски; 3) Сом Сагаан-нойон — хозяин железного прута или песта; 4) Хур Хара-нойон — хозяин угля; 5) Божир или Бажир Сагаан-нойон — хозяин молота; 6) Ама Сагаан-нойон или Ута Сагаан-нойон или Алак Сагаан-нойон — хозяин клещей; 7) Хорь или Хор Сагаан-нойон — хозяин мехов; 8) Дольто Сагаан-нойон — хозяин наковальни. Упоминается еще хозяин горна Хилман Сагаан-нойон.¹

Почитание кузнецов связано было с почитанием огня и железа. Злые духи, по мнению бурятов, страшились звона металла, но особенно боялись искр, летящих от раскаленного железа.

Онгоны кузнецов рисовались на материи во время обряда жертвоприношения (*хурая* или *тайлагана*)² духам белых кузнецов.³ После этого онгоны хранились в кузнице⁴ с той целью, чтобы духи кузнецов оказывали помощь мастерам и охраняли их от злых духов.⁵ У кудинцев кузнечные онгоны изготовлялись иногда по указанию шамана для духа-хозяина огня.⁶ Последнее, очевидно, следует объяснить тем, что железо считалось отцом огня.⁷

Размеры онгонов различны. Имеются небольшие — 10×12 см, но есть и более крупные, например 20×30 см. В зависимости от принадлежности белым или черным кузнецам онгоны разделялись на две группы: одни представляли собой изображения духов белых кузнецов, другие — духов черных кузнецов. Бывали, впрочем, и комплексные онгоны, на которых имелись изображения как белых, так и черных кузнецов, но на отдельных лоскутках. В таких случаях белые кузнецы рисовались на белой материи, а черные — на темносиней.⁸

Необходимое количество человеческих фигур (девять — по числу сыновей Божинтой) не всегда строго выдержано. Есть онгоны, на которых нарисовано не девять, а десять фигур (рис. 16).⁹ Десятая, имеющая косы, представляет собой Эйлиг Муулиг эгэшэ, старшую сестру божественных кузнецов, спустившуюся вместе с ними с неба. У балаганских бурятов изображение Эйлиг Муулиг эгэшэ — покровительницы кузнецов — делали из жести (рис. 17, I) и прикрепляли к беличьей шкурке.¹⁰ Известны и

¹ М. Н. Хангалов. Новые материалы о шаманстве у бурят. — Н. А. Гапиготов и М. Хангалов, ук. соч. — Иркутский музей, опись колл. № 14-152—160. У аларских бурятов имена сыновей Божинтой, записанные Г. Д. Санжеевым, носили иной характер (G. Sandsejew, ук. соч., *Anthropos*, Bd. XXIII, Н. 3—4, стр. 538—539).

² *Хурай* состоял из жертвоприношений вином или молоком и обходился дешевле, чем *тайлаган*, во время которого закалывалось животное.

³ ГМЭ, опись колл. № 1286-40.

⁴ М. Н. Хангалов. 1) Новые материалы о шаманстве у бурят, стр. 73; 2) Материалы по этнографии... тетр. 20, стр. 515—516.

⁵ G. Sandsejew, ук. соч., *Anthropos*, Bd. XXIII, Н. 3—4, стр. 541.

⁶ М. Н. Хангалов. Материалы по этнографии... тетр. 22, стр. 621.

⁷ В одной шаманской рукописи имеется следующее обращение к божеству огня: «Одхан Галахан (название духа-хозяйки огня, — С. И.), имеющая отцом твердое железо, матерью гальку-камень, возникшая по указанию Хан-Тэнгрия, высеченная Исугей Багатуром, раздутая Огелем ека» (Зап. Инст. востоковед., т. 1, Л., 1932).

⁸ ГМЭ, опись колл. № 1286-40.

⁹ Сравнить также с онгоном Иркутского музея, колл. № 7365.

¹⁰ М. Н. Хангалов. Новые материалы о шаманстве у бурят, стр. 73—74.

объемные металлические фигурки этой женщины. Одна из них хранится в Иркутском музее вместе с изображениями ее братьев-кузнецов. Высота

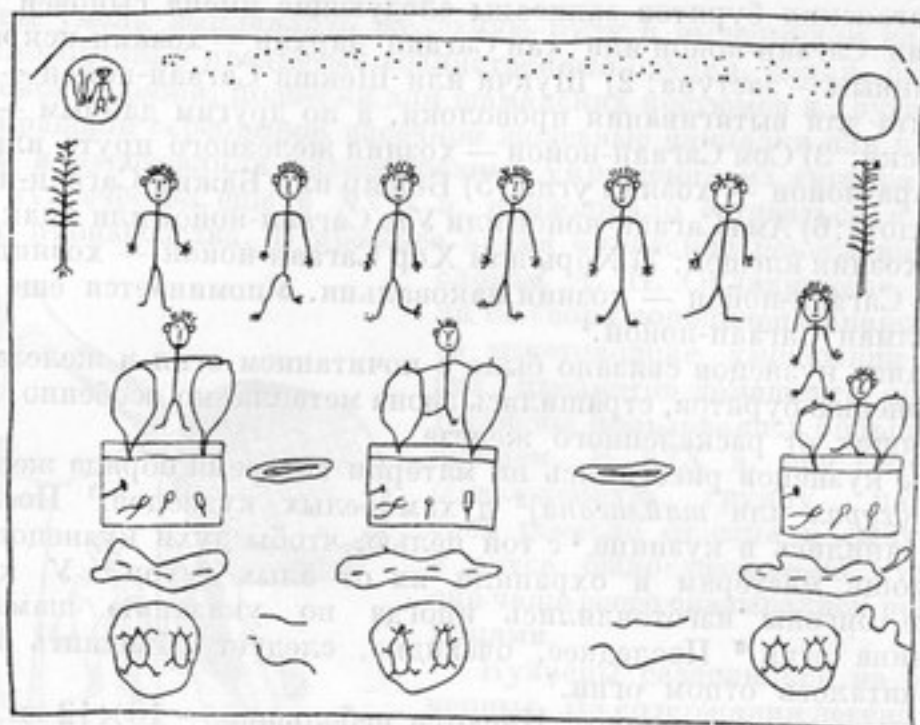

Рис. 16. Кузнечный онгон. (По Хангалову, арх. ГМЭ, № 28, тетр. 20, стр. 516).

фигурки 10 см. Сделана она из железа, плащ, накинутый на ее плечи, также железный, руки из медной проволоки. Овальная голова покрыта насечками, глаза узкие, нос прямой, вытянутый. Правая рука длинная, спускающаяся ниже колен. Ступни ног не обозначены (рис. 17, 2).

Рис. 17. Изображение сестры белых кузнецов.

1 — из жести, ГМЭ, колл. № 403-45;
2 — из железа, Иркутский музей, колл. № 14-161.

Оказывается, она не просто сестра кузнецов, а женщина-кузнец, научившая своих братьев кузнечному делу. Ее ученики были, по преданиям, предками бурятских кузнецов.³ Легенды,

¹ Входящее в состав ее имени слово *эгэшэ* значит «старшая сестра».

² М. Н. Хангалов. Новые материалы о шаманстве у бурят, стр. 39.

³ G. Sandschejew, ук. соч., *Anthropos*, Bd. XXIII, N. 3-4, стр. 539.

таким образом, связывают появление кузнечного ремесла не с мужчиной, а с женщиной.

По другим рассказам, Эйлиг Муулиг эгэшэ стала женой семи братьев Хожироя. Семь сыновей этих братьев были на земле первыми кузнецами черного цикла.¹

Все перечисленные персонажи мы находим на рисунках кузнечных онгонов. Каждое лицо имело свое имя и считалось хозяином того или иного кузнечного инструмента, всей кузницы или соответствующей церемонии. По словам М. Н. Хангалова, балаганские буряты самого Божин-

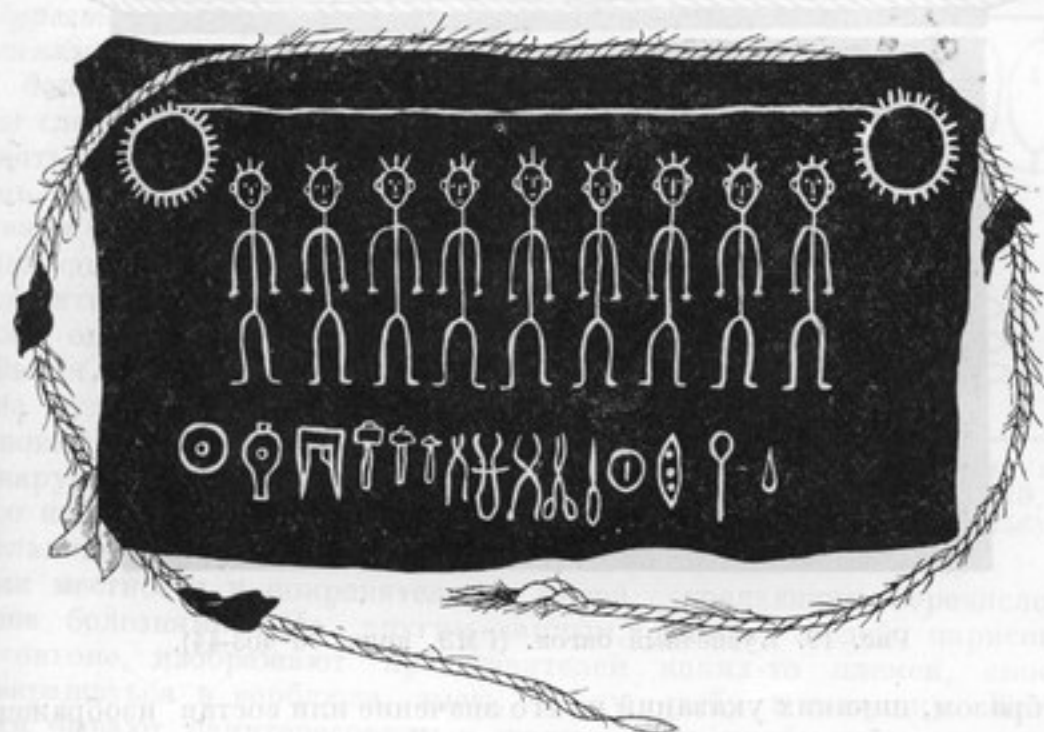

Рис. 18. Кузнечный онгон. (МАЭ, № 1815-25, альбом рисунков с экспонатов Иркутского музея).

тоя, отца девяти кузнецов, на онгонах не изображали, но это замечание расходится с данными об онгонах, собранных самим же Хангаловым. На некоторых онгонах, хранящихся в Гос. Музее этнографии народов СССР, среди различных фигур имеются и изображения Божинтоя.²

Фигурки кузнецов большей частью располагаются в ряд (рис. 18, 19) и каких-либо заметных отличий друг от друга не имеют. На головах у них лучистые отростки. Все фигуры повернуты лицом к зрителю. На некоторых онгонах они располагаются в два ряда (рис. 16), на других разбросаны по всему полю рисунка.³ Над фигурами кузнецов нарисованы небо в виде горизонтальной черты, солнце, луна и (иногда) звезды.

Инструменты рисуются обычно отдельно от кузнецов. Набор их помещается в нижней части онгона, под человеческими фигурами (рис. 18, 19), иногда рядом с ними (рис. 20). Здесь мы видим наковальню, молот, щипцы, клещи, ножницы, циркуль, меха, корытце с водой, прибор для вытягивания проволоки, прибор для пробивания отверстий в железе, напильник, долото и т. д. Инструменты образуют иногда комплексы, около которых изображается по одному раздувальщику мехов (рис. 16). Кроме

¹ Там же, стр. 539.

² ГМЭ, колл. № 1286-40.

³ М. Н. Хангалов. Материалы по этнографии. . . , тетр. 32, стр. 960.

этих рисунков, на кузнечных онгонах встречаются еще деревья с птицами наверху (рис. 16), лягушки, змеи, ящерицы и рыбы. Лягушки на рис. 16 окружены линией, означающей пруд. Та же линия, окружающая рыб, указывает на озеро. Значение фигур рыб и пресмыкающихся и смысл помещения их на некоторых онгонах кузнецов остаются недостаточно выясненными.

З у р а г т а н онгон. *Зурагтан* буквально означает «нарисованные», «имеющие рисунок». В названии этого онгона не содержится, та-

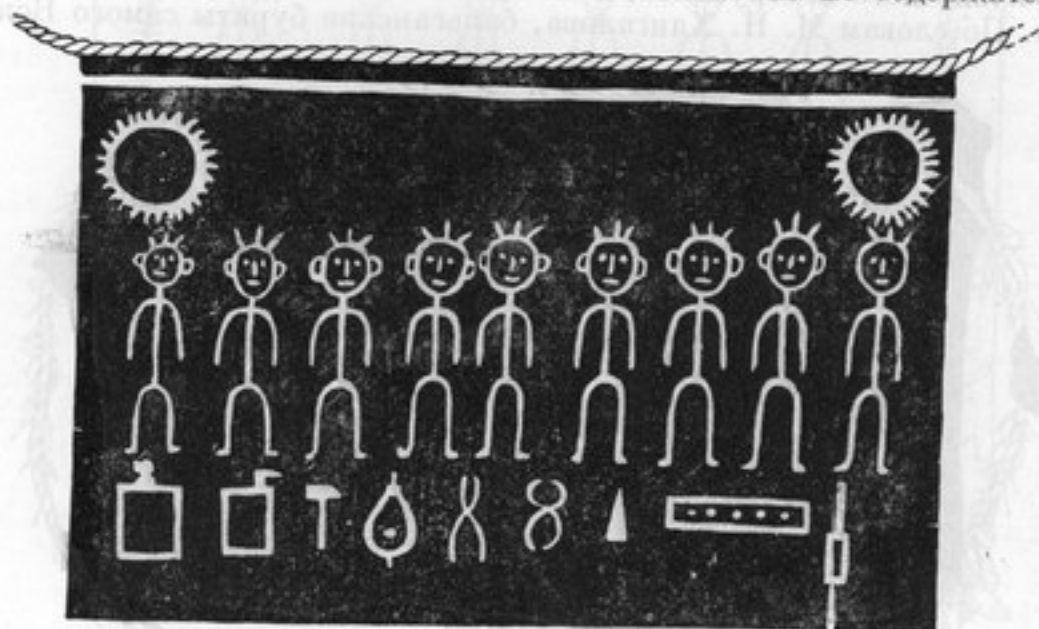

Рис. 19. Кузнечный онгон. (ГМЭ, колл. № 403-44).

ким образом, никаких указаний на его значение или состав изображений, но по типу он близок к онгону кузнецов. Духи *зурагтан* онгона относились к числу заяанов, покровительствующих человеку. Особенно широкое распространение имел этот онгон в бывш. Молькинском ведомстве, где входил в комплекс *хойтохи* онгона (см. о нем ниже). В этом ведомстве *зургтан* онгон можно было встретить почти в каждой юрте; среди унгинских бурятов он, наоборот, встречался реже.¹ Клеменц предполагает, что этот онгон позднего происхождения.²

Онгон описываемой категории состоит из куска ткани, чаще всего синего, реже белого цвета. Размеры онгонов различные: встречаются куски почти квадратные (47×40 см) или несколько продолговатые (53×38 см). К верхней части онгонов прибита тонкая деревянная планочка. Последняя в свою очередь прикреплена к деревянной развилке, имеющей внизу заостренный конец. Унгинские буряты прикрепляли онгон к четырехугольной доске и вешали его на правой половине юрты, с наружной стороны.³ Аларцы помещали онгон в сарае, втыкая заостренный конец палки в щель в стене.⁴ Рисовали *зурагтан* онгон большей частью шаманы. Они же освящали его.⁵ По другим данным, рисовать онгон могли не только шаманы. В ряде случаев рисунок исполнял кто-нибудь из знающих стариков или молодых людей, причем качество исполнения целиком

¹ М. Н. Хангалов. Материалы по этнографии. . . , тетр. 21, стр. 546.

² D. Klementz. Buriats, стр. 12.

³ М. Н. Хангалов. Материалы по этнографии. . . , тетр. 21, стр. 546.

⁴ ГМЭ, опись колл. № 1275-29.

⁵ G. Sandschejew, ук. соч., Anthropos, Bd. XXII, Н. 3-4, стр. 599.

зависело от художественных способностей рисующего. А так как, по словам Хангалова, при этом пили много водки, то руки плохо слушались хозяина и рисунки едва-едва походили на оригинал. У стариков и шаманов преобладали схематические рисунки, у молодых они выходили более реалистическими.¹

Приобретение *зурагтан* онгона считалось полезным для людей, страдающих глазными и ушными болезнями, а также болезнями шеи, рук и ног.² Духи, которые излечивали указанные болезни, при земной жизни сами страдали ими, что видно из легенд, имеющих отношение к *зурагтан* онгону. Легенды эти рассказывают о жившем когда-то большом шамане, который был слеп и глух. У него было девять, а по другой версии — семь сыновей. Семью его называли семьей девяти больных. Однажды отец послал сыновей наловить рыбы, но предупредил, чтобы они не убивали слепого тайменя, так как в нем заключена душа самого шамана. Но сыновья не послушались отца и нарушили запрет, вследствие чего шаман умер. Сыновья его сделали впоследствии хозяевами местности и покровителями людей, страдающих перечисленными выше болезнями.³ По другим данным, фигуры людей, нарисованные на онгоне, изображают представителей каких-то племен, способных превращаться в верблюда, змею, пчелу, рыбу и лягушку. Когда эти духи бывают заинтересованы в жертве, они якобы насылают на людей глазные болезни, избавление от которых возможно только путем жертвоприношения.⁴ Здесь духи выступают перед нами в другой роли: они не только покровительствуют людям, но при случае и вредят им.

Зурагтан онгон отличается от других онгонов присутствием большого количества изображений людей и животных. Число человеческих фигур на нем обычно бывает не менее 27, т. е. составляет три девятка. Располагаются фигуры рядами, один над другим, с таким расчетом, чтобы получилось три ряда с равным количеством фигур в каждом. На некоторых онгонах это правило нарушается: человеческие фигуры хотя и располагаются рядами, но число фигур в них оказывается неодинаковым. На рис. 21 ряды отделяются друг от друга одной-двумя горизонтальными (на других онгонах — дугообразными) чертами, которые представляют собой небеса, что видно из следующего: над девятью нижними фигурами нарисована одна черта — первое небо, над девятью фигурами второго ряда две черты — второе небо, наконец, над верхними девятью фигурами три черты — третье небо. Человеческие фигуры изображают, по одним данным, потомков шамана-калеки, по другим — его самого с восемью сыновьями или же девять его сыновей. Все они также инвалиды: слепые,

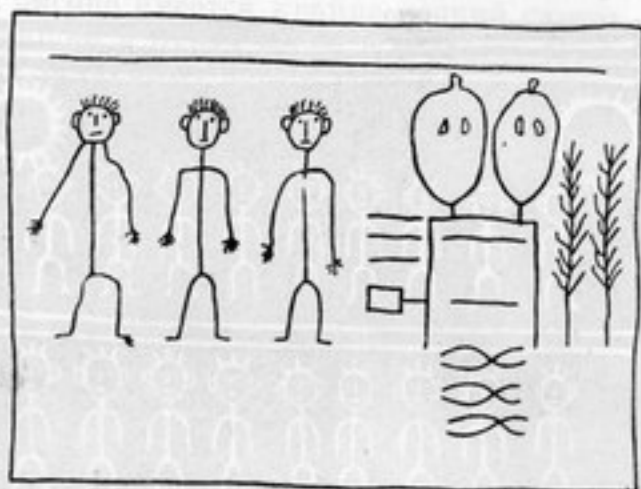

Рис. 20. Кузнечный онгон (одна из трех частей). (По Хангалову, арх. ГМЭ, № 28, тетр. № 26, стр. 755—756).

¹ М. Н. Хангалов. Материалы по этнографии. . . , тетр. 30, стр. 891.

² Н. З а т о п л я е в. Зуруктан-онгон. Зап. ВСОРГО по этнограф., т. II, вып. 2, Иркутск, 1890, стр. 9.

³ Там же.

⁴ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 86.

хромые, пахорукые. Ввиду того что в их жизни было три периода (поиски местожительства), они располагаются на онгоне в три ряда.¹ Таким образом, в 27 изображениях следует видеть не 27, а всего только 9 различных персонажей. На других онгонах небеса представлены одной чертой (рис. 22).

Кроме линии неба, в верхней части онгона рисовались солнце, луна, звезды-точки, иногда облака и млечный путь, представленный в виде короткой прямой черты. Изображения солнца и луны, довольно крупные

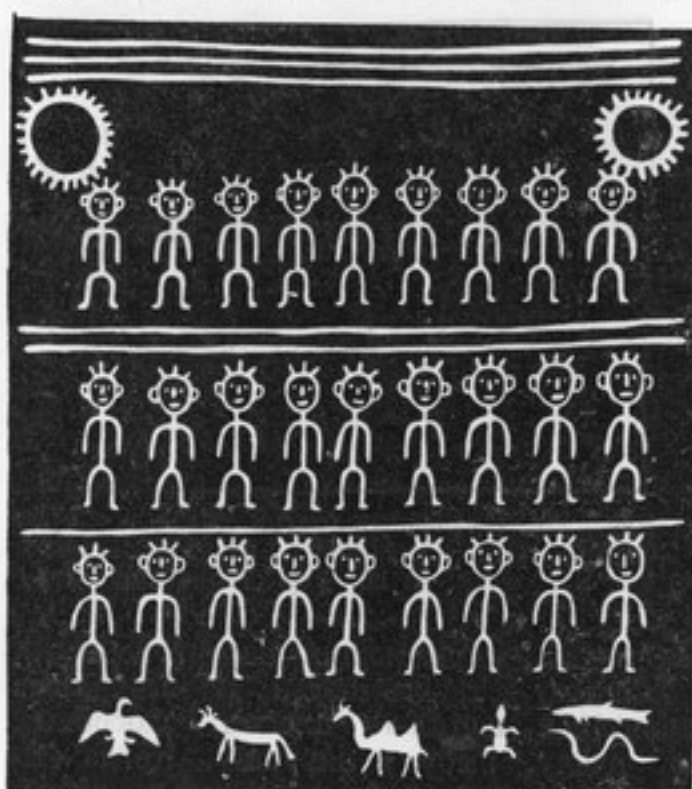

Рис. 21. Зурагтан онгон. (ГМЭ, колл. № 403-42).

по размерам, располагались ближе к углам онгона и имели форму колеса, концентрического круга, простой или перекрещенной спирали или лучистого диска.²

Ниже солнца и луны, ближе к краям онгона, иногда бывают нарисованы два шаманских дерева. На некоторых онгонах внизу в виде узкой полоски изображена земля.

Нижнюю, всегда меньшую по сравнению с верхней, часть онгона занимают изображения различных животных. Тут мы видим птицу (орла, коршуна), быка, верблюда, змею, лягушку, ящерицу и рыбу. Эти фигуры более или менее постоянны. Гораздо реже попадаются олени и насекомые — стрекозы и пчелы, похожие больше на черепахи.

Фигуры животных объяс-

няются Н. Затопляевым как помощники шаманов, находящиеся у них на посылах.³ Эти звери-помощники названы автором *хубилганами*. Но слово *хубилган* означает на языке бурят не «помощник», а «перерожденец».

Таким образом, Затопляев допустил здесь ошибку. Если животные действительно изображают *хубилганов*, то функция их должна быть иной, ибо это не звери, а сами шаманы, принявшие лишь облик зверей; если же животные являются посыльными шаманов, то не могут быть названы *хубилганами*.

Следует отметить, что смысл помещения изображений животных на *зурагтан* онгоне недостаточно ясен. Животные относятся к различным классам: мы видим птиц, рыб, пресмыкающихся, копытных и насекомых. Может быть, в этих фигурах следует видеть животных определенных местностей или участков, хозяевами которых, согласно легенде, являются сыновья шамана-калеки. В отдельных случаях такие животные, как верблюд, олень и бык, могли представлять собой ездовых животных.

¹ ГМЭ, колл. № 1165-9.

² См. рис. 11 в гл. V нашей работы «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в.».

³ Н. Затопляев. Зуруктан-онгон, стр. 9.

На некоторых онгонах животные, как и люди, изображены в семи или восьми экземплярах, причем представители отдельных классов животных группируются вместе — в ряд или один под другим. На тех онгонах, где они даны по одному, они следуют друг за другом по одной линии и в одном направлении.

В отличие от человеческих фигур силуэтные изображения животных нередко обнаруживают более реалистические черты (рис. 23, 24).

На одном аларском *зурагтан* онгоне имеется крайне редкий сюжет — человек, сидящий в лодке и держащий в руках весло и острогу. По размеру этот человек вдвое меньше остальных людей и по счету является двадцать восьмой человеческой фигурой, следовательно, составляет какое-то дополнение к традиционной композиции. Столь же неожиданной оказывается небольшая прямоугольная рамка с кузнечными инструментами внутри, нарисованная под луной. На некоторых экземплярах *зурагтан* онгона фигуры животных отсутствуют, но имеется до десятка человеческих изображений. Девять из них расположены вертикально, одна нарисована в горизонтальном положении. Последняя, по словам Г. Санжеева, представляет собой фигуру умершего,¹ но кто это — автор не объясняет. Фигурки девяти сыновей шамана нарисованы на этом онгоне с предельным упрощением.

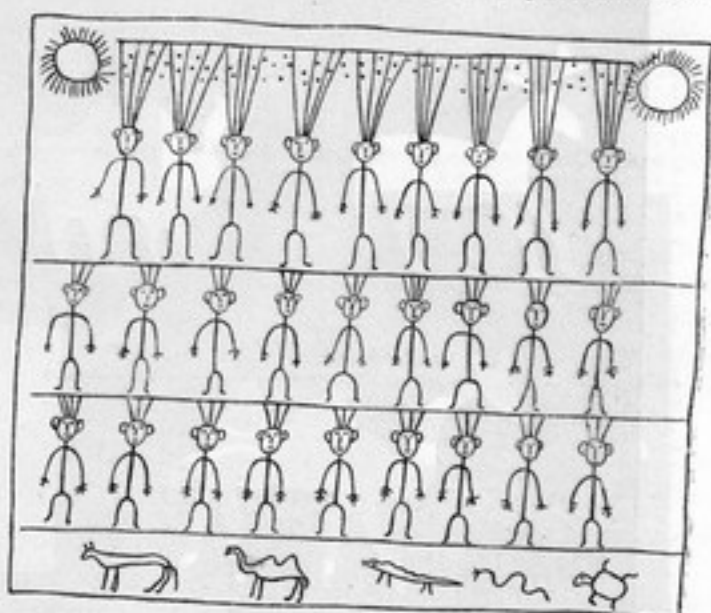

Рис. 22. *Зурагтан* онгон. (По Хапгалову, арх. ГМЭ, № 28, тетр. 30, стр. 891).

Онгоны с изображениями женщин.² Изображения женщин уже неоднократно встречались нам при рассмотрении различных онгонов, например онгонов хозяев козла, водяных ханов, хозяев солнца и луны, горных, кузнечных, но там они составляли меньшинство и играли второстепенную роль, фигурируя главным образом в качестве жен или сестер тех или иных духов. Помимо таких изображений, у бурят были и специальные онгоны, на которых рисовались только женщины. В редких случаях последние сопровождались одной или двумя мужскими фигурами.

Обращает на себя внимание тот факт, что онгоны с изображениями женщин нередко изготовлялись самими женщинами, им же принадлежали и помещались на женской половине юрты.

Эти онгоны заслуживают внимания потому, что женское искусство религиозного содержания, в особенности рисунок и его семантика, недостаточно изучены. Между тем эти онгоны имели свою специфику в связи с особыми интересами женщины в семье, ее общественным положением и сферой ее хозяйственной деятельности.

¹ G. S a n d s c h e j e w, ук. соч., *Anthropos*, Bd. XXII, Н. 5—6, стр. 934.

² Краткие сведения о женских онгонах приведены нами ранее в статье «Происхождение бурятских онгонов с изображениями женщин» (Сб. «Родовое общество», Труды Инст. этнограф. АН СССР, нов. сер., т. XIV, 1951).

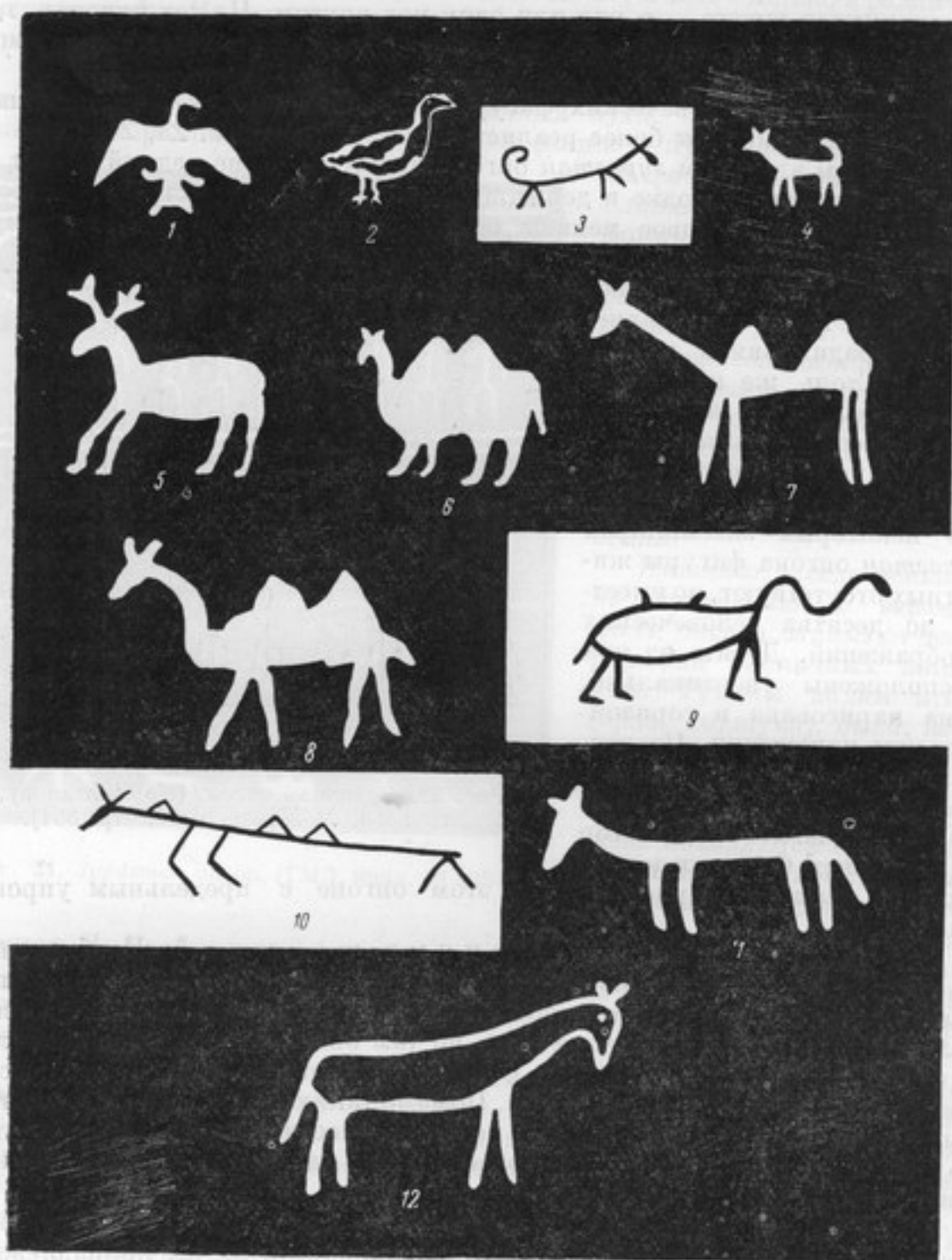

Рис. 23. Изображения животных на различных онгонах.

1, 2 — птицы; 3, 4 — собаки; 5 — олень; 6—10 — верблюды; 11, 12 — лошади [1, 8 — ГМЭ, колл. № 403-42; 2, 12 — ГМЭ, колл. № 403-63; 3 — по Хангалову, арх. ГМЭ, № 28, тетр. 36, стр. 1064; 9 — там же, тетр. 21, стр. 546, 10 — там же, тетр. 36, стр. 1064; 4 — ГМЭ, колл. № 365-16; 5, 6 — по фот. МАЭ, № И-591-339 (с экспоната Иркутского музея); 7, 11 — по альбому МАЭ, № 1815-2 (с экспоната Иркутского музея)].

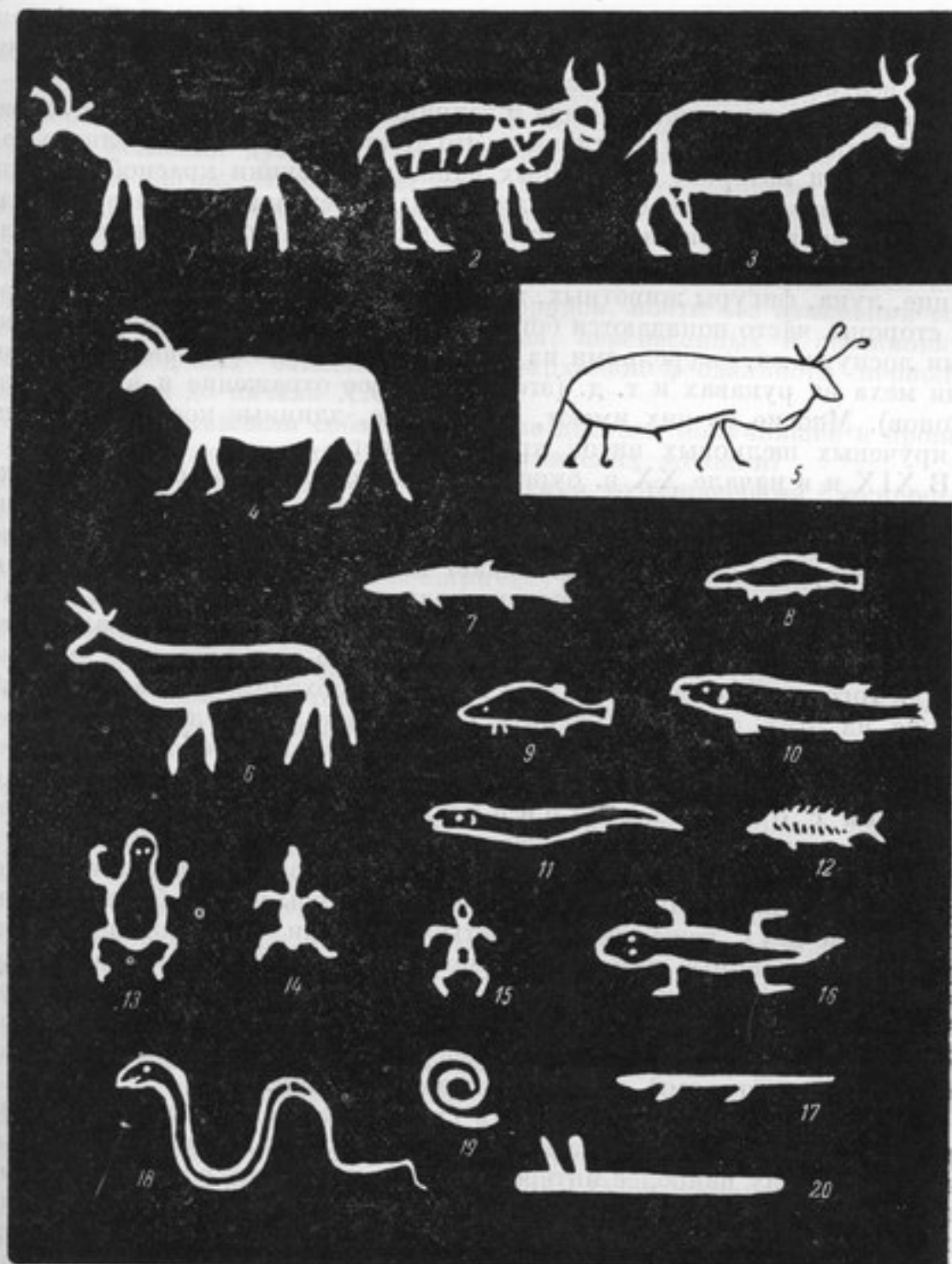

Рис. 24. Изображения животных на различных онгонах.

1-6 — быки и коровы; 7-12 — рыбы; 13-15 — лягушки; 16, 17 — ящерицы; 18-20 — змеи [1, 7, 14 — ГМЭ, колл. № 403-42; 2, 3 — ГМЭ, колл. № 1286-31; 4 — по фот. МАЭ, № И-591-339 (с экспоната Иркутского музея); 5 — по Хангалову, арх. ГМЭ, № 28, тетр. 21, стр. 546; 6, 8, 15 — ГМЭ, колл. № 403-65; 9 — ГМЭ, колл. № 403-63; 10, 11, 13, 16, 18 — ГМЭ колл. № 1286-33; 12, 17, 19 — ГМЭ, колл. № 1635-79; 20 — по альбому МАЭ, № 1815-2 (с экспоната Иркутского музея)]

Женские онгоны были многочисленны и разнообразны. Среди них встречались как нарисованные на материи, так и скульптурные онгоны. Почти все они имели свои названия.

С точки зрения внешнего вида и техники исполнения, женские онгоны ничем не отличаются от остальных. Это такие же, но более мелкого размера кусочки материи, на которых нанесены рисунки красной краской. Как исключение встречается аппликация: вырезанная из материи человеческая фигурка, пришитая к лоскутку ткани.¹ Какие-либо дополнительные изображения, например жертвенные помосты или столики, небо, солнце, луна, фигуры животных, не характерны для этих онгонов. С другой стороны, часто попадаются богато одетые фигуры, украшенные шелковыми лоскутками, ожерельями из бус и белого металла, серьгами, кусочками меха на рукавах и т. д. (это нашло свое отражение и в названиях онгонов). Многие из них имеют, кроме того, длинные косы, сплетенные из крученых шелковых ниток красного цвета.

В XIX и в начале XX в. буряты представляли собой общество, в котором господствовали патриархально-феодалные отношения, на первый взгляд, исключающие столь широкое распространение онгонов с изображениями женщин. Естественно возникает вопрос: являлись ли эти онгоны пережитком идеологии материнского рода и чем в таком случае вызвана была устойчивость этих пережитков или же в этих онгонах нашли свое отражение какие-то современные им общественно-экономические явления?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть главнейшие из этих онгонов, уяснить содержание тех религиозных идей, которые были с ними связаны, и раскрыть социальный облик изображенных на них женских персонажей.

Начнем с онгона хоринских девиц, пользовавшегося особой популярностью преимущественно среди иркутских бурятов. С точки зрения формы и сюжета онгоны этого рода не представляют собой чего-либо оригинального. Человеческие фигуры на них бывают обычно в количестве двух, реже трех или четырех,² среди атрибутов персонажей встречаются знакомые нам шаманские жертвенники *ширээ* и небольшие металлические фигурки человека, прикрепленные на груди. Некоторые дополнительные изображения, о которых мы скажем ниже, являются исключением. Таким образом, по форме указанные онгоны сходны со многими другими онгонами, изображающими женщин.

Несмотря на некоторую бедность графической стороны, изображения хоринских девиц, с историко-этнографической точки зрения, должны быть отнесены к числу наиболее интересных, так как в них с исключительной яркостью отразились различные этапы общественного развития бурятов. Онгоны эти входили в число родовых онгонов, что уже само по себе заслуживает внимания. Но особенно важно подчеркнуть, что онгоны девиц изображали собой предков по женской линии и, следовательно, принадлежали к онгонам рода матери, а не отца. Составляя собственность женщин, они были широко распространены в их среде. Молодые женщины старались обеспечить ими себя вскоре после свадьбы, так как, перейдя

¹ К очень редким онгонам принадлежат изображения женщин, сделанные на деревях. Один такой уникальный экспонат имеется в МАЭ (колл. №№ 2203-36 и 37). На обрезе лиственницы изображена какая-то злая хвостатая женщина, с которой дурно обращались при жизни. Душа ее после смерти будто бы превратилась в духа *дахабари* (буквально — «следующий», «преследующий», «преследователь»), который стал с целью мести мучить и душить детей.

² В таких случаях дополнительные фигуры представляют собой подругу девушек или их бабушку, иногда их предка Хоредоя, или их дядю с товарищем (ГМЭ, опись колл. №№ 365-19, 1165-2, 403-63).

в дом мужа, они лишались своих духов-покровителей. В случае смерти хозяйки дома этот онгон не сохраняли: муж или сын покойной сжигали его, т. е., как пишет Г. Санжеев, «отсылали духов домой»,¹ что, очевидно, следует понимать как возвращение их в род жены. Когда происходила церемония вселения духов в изображения, молодая женщина, которой принадлежал онгон, стояла у стола с жертвоприношениями, а шаман обращался к духам-девам с просьбой оказывать особое покровительство новой хозяйке дома.²

Все эти факты свидетельствуют о необычайной консервативности некоторых религиозных представлений и обрядов, почти без изменений сохранившихся от эпохи материнского рода, перенесенных в обстановку семейных и родовых отношений патриархально-феодального периода и удержавшихся до начала XX в.

Кого же представляли собой хоринские девицы, получившие в прошлом столь широкую известность среди бурятских женщин?

В преданиях и легендах они описываются то близнецами,³ то просто сестрами из племени хори. Онгоны с их изображениями назывались *хориин хойор хуухэд* или *хориин хойор басагад*, буквально «хоринские две девушки», и составляли весьма обширную группу памятников религиозного искусства. Фигурировали они и под другими названиями и личными именами: *зултани зураг* («имеющих светильник рисунок»), *тээнгидэхи* (*тэньдэхи*) *заяан* («судьба или счастье, находящееся в столбе», — здесь имеется в виду один из столбов внутри юрты), *туулайшан* («охотник за зайцами») или *байгаашан* («стоячий»), *заяагша* («создатель»), *заяан* («судьба»).

На некоторых онгонах, рядом с сестрами фигурирует их бабушка.⁴ Их предком считается Хорёдой, легендарный родоначальник племени хори, представленный иногда фигуркой, нарисованной на отдельном лоскутке при онгоне хоринских девиц.⁵

Согласно легендам, мать девушек вела свою родословную от монголов. После смерти матери, которая была шаманкой, девочек воспитывала мачеха, но она их всячески притесняла, мучила, заставляла ночевать вместе со скотом и, в конце концов, довела до болезни и смерти. Души умерших сестер стали насылать на людей болезни, но после вмешательства шамана и принесения жертвоприношений они перешли на положение покровителей и защитников людей. Эти легенды несомненно более поздние.⁶

Хоринские девицы считались чистыми духами, не любящими кровавых, винных и табачных жертвоприношений.⁷ Одна шаманка по поводу их объявила, что умершие девы обладали могущественными духами — предками своей матери-шаманки и поэтому оказались белыми зайками, человеко-богинями, охраняющими людей от злых духов и помогающими при всевозможных болезнях.⁸ Иногда хоринских девиц называли «певицами» или «качающимися».⁹ Это говорит о том, что в сестрах видели не просто зайнок, а зайнок, шаманок, ибо указанными терминами буряты

¹ G. S a n d s c h e j e w, ук. соч., Anthropos, Bd. XXII, Н. 3—4, стр. 603.

² Там же, стр. 604.

³ Н. З а т о п л я е в. Некоторые из онгонов..., стр. 137.

⁴ ГМЭ, колл. № 365-19.

⁵ ГМЭ, опись колл. № 1165-2.

⁶ Asia Major, v. II, fasc. X, Leipzig, 1925, стр. 137.

⁷ ГМЭ, опись колл. № 403-63.

⁸ ГМЭ, опись колл. № 1165-2. — G. S a n d s c h e j e w, ук. соч., Anthropos, Bd. XII, Н. 3—4, стр. 602.

⁹ МАЭ, опись колл. № 593-7а.

прежде обозначали лиц обоего пола, преимущественно из молодежи, предававшихся коллективному шаманству.¹

В XIX — начале XX в. онгоны хоринских девиц делались по указанию шаманов.² В обычное время онгон в свернутом виде хранился в продолговатом деревянном ящичке с выдвижной крышкой, подвешенном у северо-западного столба юрты,³ а по сообщению Потанина — к правой, задней подпорке в летней юрте.⁴ Подпорка эта помещалась между очагом (в центре юрты) и изголовьем кровати.⁵

Онгоны имели сравнительно небольшие размеры, в среднем 25×35 см или несколько более. Фигуры рисовались красной краской на шелковой, парчовой или какой-нибудь другой ткани. Онгоны хоринских девиц старались вообще сделать как можно более нарядными. Для этой цели к фигурам пришивали пучки крученых шелковых ниток — всегда яркокрасного цвета, изображавшие собой девичьи косы. Над головой пришивали иногда белые пуговицы, к груди прикрепляли коралловое ожерелье. В отдельных случаях, однако, изображения девиц отсутствовали. Их заменяли пришитые к материи косы из ниток, провололочные серьги с насаженной на них бусиной и пуговицы, представлявшие собой глаза.⁶ Это дает основание думать, что при развитом анимистическом мировоззрении присутствие самой фигуры не всегда являлось строго необходимым. Пребывание духа в онгоне мыслилось и без его полного изображения. Что же касается некоторых деталей и атрибутов, то они прикреплялись к онгону с целью указания пола лица и его социального положения. Подобного рода аниконические изображения бытовали не только у бурят. В небольшом количестве они встречались и у некоторых других народов южной Сибири, например у хакасов (качинцев) и телеутов.

Количество онгонов с изображением хоринских девиц было очень велико, и в музейных собраниях они представлены с достаточной полнотой. Рисунки, сохраняя общие всем онгонам характерные черты, имеют много вариантов. На одних онгонах у женских фигур нарисованы ступни ног и пальцы на руках, на других вместо рук и ног мы видим только короткие отростки, а вместо лица овал с парой точек — глаз. Иногда (Забайкалье) нос и глаза делались из олова. Дополнительные изображения также не всегда повторяются с одинаковой точностью. На некоторых онгонах небесный свод имеется, на других его нет. Характер изображений солнца и луны различный. Жестяные человеческие фигурки и *ширэ* встречаются только на некоторых онгонах,⁷ на одном онгоне оказались изображения стула, клещей, молотка и «земли с мелкой растительностью и двумя деревьями — золотыми осинами судьбы».⁸

¹ Обряд коллективного шаманства устраивался в честь заяанов и носил название *болошэн*. Он описан П. Баторовым в статье под названием «Болошэн у северобайкальских бурят» («Жизнь Бурятии», 1926, № 1—3, стр. 107—108). Шаманившие полагали, что в них вселился дух какого-нибудь шамана-заяана. В продолжение нескольких месяцев в состоянии экзальтации они, шатаясь, бродили по улицам, пели песни в честь заяанов, заходили в чужие юрты и заодно обедали хозяев, боявшихся в чем-либо отказать бушевавшей толпе. К числу заяанок, «вселявшихся» в людей во время коллективного шаманства, относились и хоринские девицы (см. также: МАЭ, опись колл. № 593-7а).

² МАЭ, опись колл. № 593-7а. — G. Sandschejew, ук. соч., *Anthropos*, Bd. XXII, N. 3—4, стр. 603.

³ ГМЭ, опись колл. № 1165-3.

⁴ Во время обряда жертвоприношения онгон вынимали из ящичка и раскладывали на жертвенном столе, который ставился у столба.

⁵ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 107.

⁶ Там же, стр. 107—108.

⁷ ГМЭ, колл. № 1165-4. — МАЭ, колл. № 953-82а.

⁸ ГМЭ, опись колл. № 1165-6.

На рис. 25 представлен онгон, сшитый из двух кусков материи — верхнего белого и нижнего красного. Форма онгона почти квадратная (30 × 31 см). Называется он *зултани зураг*, т. е. «имеющих светильник рисунок»; в центре фигуры трех девиц, головы которых нарисованы на белом фоне, а туловища — на красном. Две из них — хоринские сестры, третья (средняя) — их подруга. У всех трех фигур отсутствуют пальцы на руках. К ушам пришиты свернутые из медной проволоки серьги с бусинкой и

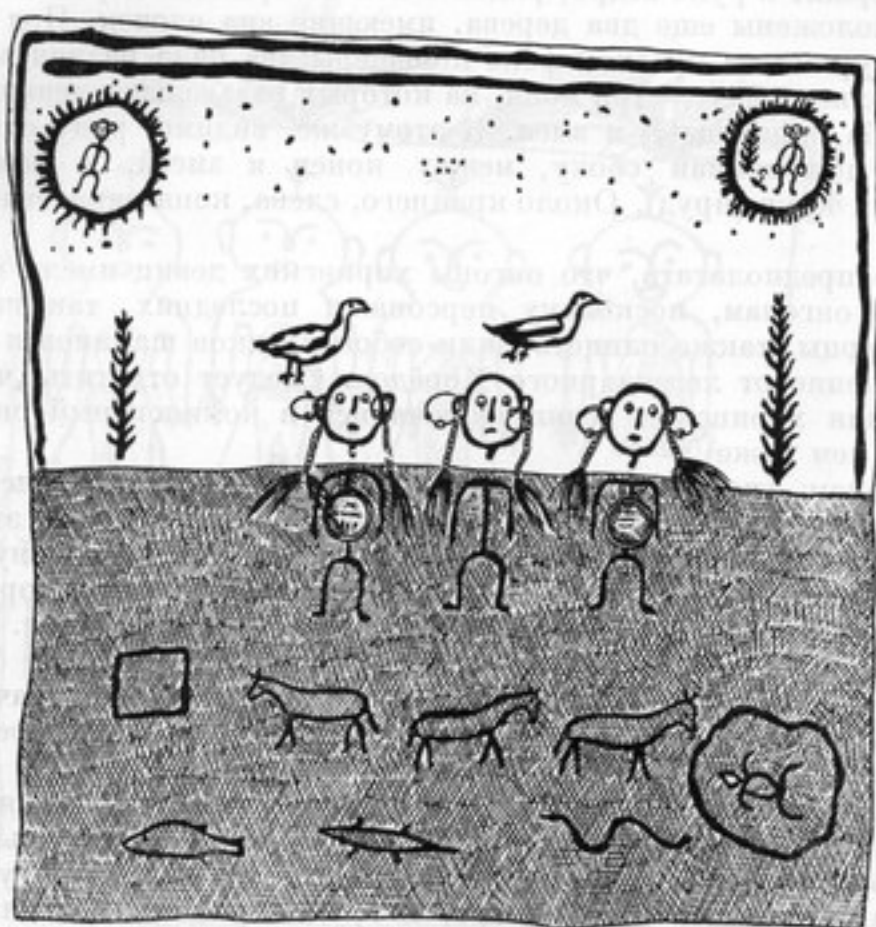

Рис. 25. Онгон хоринских девиц. (ГМЭ, колл. № 403-63).

небольшие косы из шелковых ниток и красного бисера. Над фигурами сестер нарисованы два лебедя, представляющие собой двух небесных богинь-девушек. Здесь перед нами еще один пример сосуществования на одном онгоне двух типов изображений — старого, зооморфного и позднего, антропоморфного (ср. с онгоном Буха-нойона). На груди у каждой из сестер прикреплено по русской монете десятикопеечного достоинства (обе чеканки 70-х годов XIX в.). В фигурах птиц нельзя не видеть отражения известной легенды о происхождении племени хори, согласно которой предок хоринцев Хорёдой женился на девушке, спустившейся с неба в образе лебедя.¹ Таким образом, описываемый онгон по своему

¹ Хорёдой увидел однажды, как лебеди спустились с неба, сняли с себя птичьи шкурки (одежды), превратились в красивых девушек и пошли к реке купаться. Хорёдой, остановив свое внимание на одной из них, незаметно подкрался и спрятал ее шкурку; без шкурки девушка не могла обратиться снова в лебедя и сделалась женой Хорёдой (А. В. Потанин. Буряты, стр. 8—9). Легенды этого рода известны многим народам. В китайском сборнике «Соушэньцзы» читаем, например, следующее: «В одном уезде некий мужчина, находясь в поле, увидел 6 или 7 женщин, одетых в платья,

содержанию отражает древние тотемистические представления бурят и должен быть отнесен к числу племенных.

В верхней части онгона изображалось небо в виде двух полос — одной длинной, концы которой опущены вниз и частично окаймляют боковые стороны онгона, и другой, более короткой, расположенной под первой чертой. Внутри солнца (слева) и луны (справа), имеющих вид лучезарных кругов, нарисованы человеческие фигуры, повидимому женские. Фигура на луне держит в руке ведро; рядом с ней изображено дерево. Под светилами расположены еще два дерева, имеющие вид елочек. Под человеческими фигурами на красном фоне помещены два ряда различных животных: в верхнем ряду — три коня, на которых разъезжают девицы, в нижнем — рыба, ящерица(?) и змея. К этому же, видимо, ряду относится и лягушка, помещенная сбоку, между конем и змеей, и заключенная в неровный круг (пруд). Около крайнего, слева, коня нарисован квадрат (колодец).

Можно предполагать, что онгоны хоринских девиц имели отношение к горным онгонам, поскольку персонажи последних, так называемые горные старцы, также олицетворяли собой предков шаманов и вели свое происхождение от легендарного Хорёдоа. Следует отметить, что иногда изображения хоринских девиц включались в комплексный онгон Усайтан (см. о нем ниже).

К онгонам, «покровительствующим» женщине, можно отнести также онгон *хойморойхи*. Название его происходит от слова *хоймора*; этим термином буряты обозначают заднюю сторону юрты, расположенную против входа. Название онгона буквально значит «задней половины юрты онгон», т. е. находящийся на северной, супружеской половине юрты. Этому онгону приписывались разнообразные функции. Он должен был охранять домашний очаг, способствовать плодовитости новобрачных и их семейному счастью, охранять детей и оказывать им всяческое покровительство.

На онгоне нарисована женская фигура, изображающая бурятку Бугалин, или Батнай, которая якобы сошла с ума и утопилась, а по другим данным — умерла в молодости от родов.¹ Под ногами фигуры столик *ширээ*, над головой — птичье перо, к груди пришита медная человеческая фигурка. Онгон делался нарядным. Существовало несколько его вариантов.

По словам С. П. Балдаева, у забайкальских бурят описанный онгон рисовали старики. Он изображал собой красавицу Бугалин, которую муж из ревности бил розгами и, в конце концов, довел до смерти.² В соответствии с указанным толкованием онгон должен быть отнесен скорее ко второй группе, т. е. к онгонам вредным, но поскольку он считался покровителем семейного счастья и чадородия супругов, мы оставляем его в первой группе.

Из онгонов, «обеспечивающих» женщине плодовитость, кроме *хойморойхи*, назовем Мэнгэлэн басагад, Дуде, *хулбэриин узурэйхи*, наконец, собрание онгонов *хойтохи*. Онгон Мэнгэлэн басагад рисовался на шелке

сшитые из птичьих перьев. Он подполз к одной из них и, увидев, что она сбросила платье, спрятал его. Затем он направился к женщинам, но те поднялись в воздух и улетели. Та же, чье платье было спрятано, улететь не могла и стала женою мужчины» (Л и н Ч у н ь - Ш э н. Гольды нижнего течения Сунгари, т. II. Нанкин, 1934, прилож. IV. На китайском языке). Сходные легенды о девушках-лебедях известны чукчам, эскимосам и многим другим народам.

¹ Ц. Ж а м ц а р а н о, ук. соч., стр. 384. — ГМЭ, колл. № 783-65. — МАЭ, колл. № 3455-2.

² Устное сообщение С. П. Балдаева (1948 г.).

и дополнялся различными накладными украшениями: кусочками меха, изображавшими шапочку и отвороты рукавов, серьгами, ожерельем. Сама фигура исполнялась красной краской. Об этой девице говорили, что она была приемной дочерью одного монгола.¹

Вариантом этого онгона является, повидимому, хатан Мунгулэй, женщина, жившая, по словам бурятов, в Монголии, но убежавшая оттуда

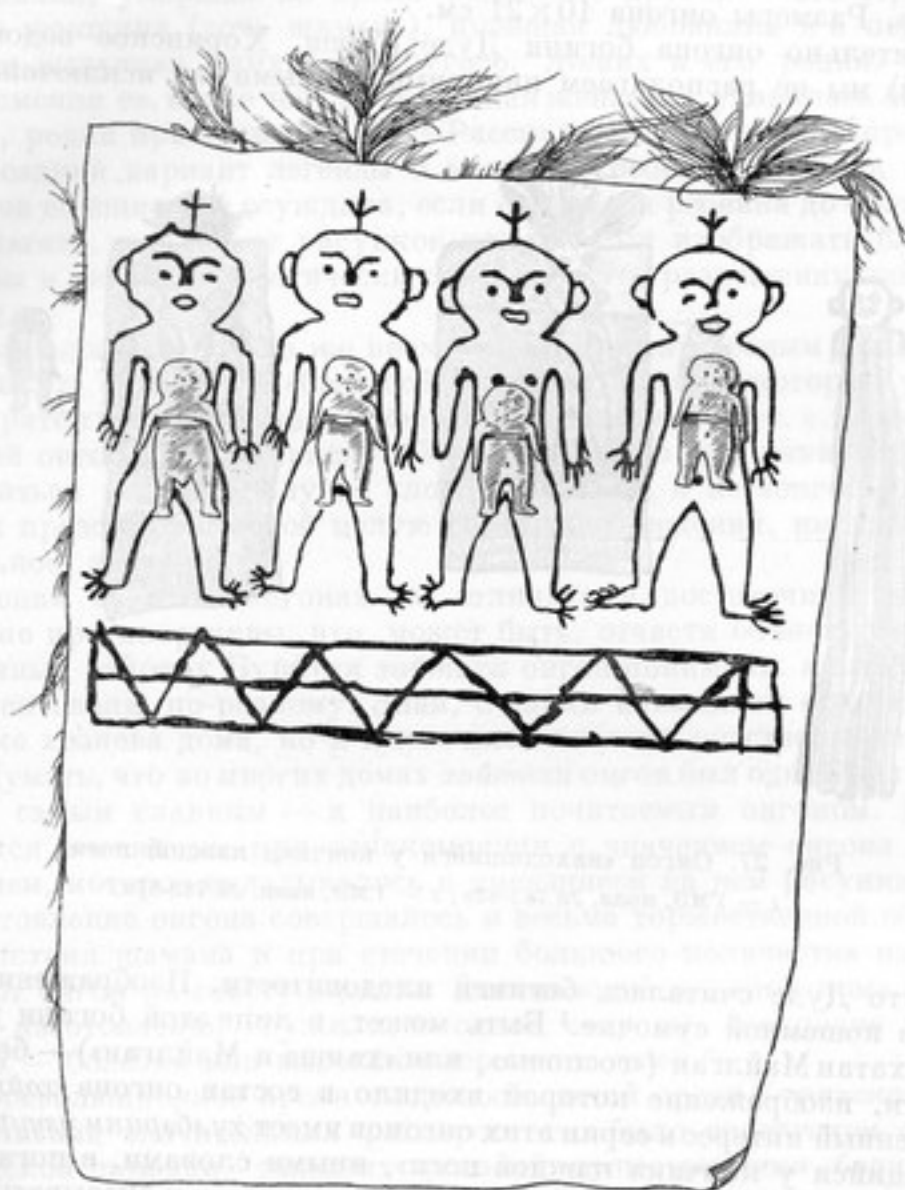

Рис. 26. Монгол онгон. (ГМЭ, колл. № 783-81а).

в Россию и сделавшаяся шаманкой. Онгон изготовлялся для обеспечения потомства.²

К той же серии, как нам кажется, следует отнести еще один онгон, под названием *монгол*, хотя он предназначался для охраны детей и исцеления их от болезней. Агинские буряты держали этот онгон во дворе, в кошемной сумочке.³ Рис. 26 дает представление об этом интересном, с точки зрения изображения самих фигур, онгоне. Первая слева фигура

¹ Ц. Жамцарано, ук. соч., стр. 387.

² Н. Затопляев. Некоторые из онгонов. . . , стр. 133—134.

³ Ц. Жамцарано, ук. соч., стр. 389—390. — ГМЭ, колл. № 783-81, а.

мужская, остальные три женские. Мужская фигура отличается от женских отсутствием груди, которые в виде точек нарисованы на женских фигурах. В противоположность многим другим рисункам, человеческие изображения здесь исполнены не в линейной, а в контурной манере. Каждая фигура имеет на голове хохолок, а над головой птичье перо. Внизу помещен *ширээ*. У каждой фигуры на месте груди пришито по металлическому человечку того же типа, что и сами фигуры. Левый из них имеет знак пола. Размеры онгона 10×21 см.

Относительно онгона богини Дуде (бывш. Хоринское ведомство за Байкалом) мы не располагаем никакими данными, за исключением ука-

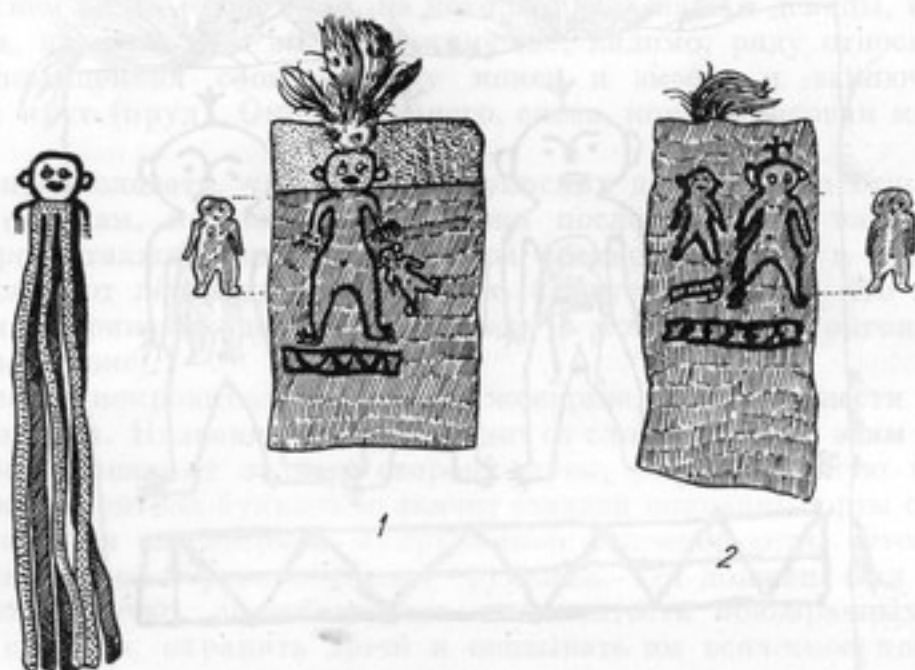

Рис. 27. Онгон «находящийся у кончика каждой ноги».

1 — ГМЭ, колл. № 783-83а; 2 — ГМЭ, колл. № 783-87а.

зания, что Дуде считалась богиней плодovitости. Изображение ее хранилось в кошечной сумочке.¹ Быть может, в лице этой богини мы имеем вариант хатан Майлган («госпожа», или «ханша и Майлган») — богини плодovitости, изображение которой входило в состав онгона *хойтохи*.

Особенный интерес в серии этих онгонов имеет *хулбэрийн узуурэйхи*, т. е. «находящийся у кончика каждой ноги», иными словами, в ногах постели (рис. 27). Он должен был содействовать плодovitости и оказывать женщине помощь при трудных родах. Полезным считался он и для скота при тех же обстоятельствах. Рисунок изображает собой мать с новорожденным ребенком. На рис. 27, 1 ребенок нарисован у ног матери, как бы только что родившимся; на рис. 27, 2 он изображен выше, рядом с матерью. Оба онгона, небольшие по размерам (6×10 и 5×12 см), нарисованы на красном шелке, над головой имеют по перу (пух степного орла), а под ногами *ширээ*. У женщин на месте груди прикреплено по маленькой медной женской фигурке (на наших рисунках они даны отдельно). Новорожденные таких фигурок не имеют. Изображение матери на рис. 27, 1 украшено шестью узкими, длиной в 14 см полосками коленкора (сиреневого и

¹ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 89.

оранжевого), прикрепленными в виде пучка к шее и почти полностью закрывающими фигуру (на нашем рисунке они показаны отдельно, слева). Изображения грудных детей встречаются, насколько нам известно, только на онгонах *хулбэриин узуурэйхи*. Но и сами эти онгоны принадлежат к числу очень редких. Духи этих онгонов связываются с племенем хори. Согласно одной версии, на онгоне изображена молодая бурятка Тахай, дочь шамана, умершая во время родов; по другой — это Архан, тоже молодая женщина (дочь шамана), имевшая любовника и в период беременности выданная замуж за другого. Жених и его родня, увидев невесту, осмеяли ее, после чего опозоренная женщина, удавилась около своей постели, родив при этом ребенка.¹ Рассказ этот несомненно представляет собой поздний вариант легенды о матери и ребенке, так как в старину у бурят женщины не осуждали, если она имела ребенка до брака. Можно предполагать, что сюжет рисунков должен был изображать благополучные роды и тем самым магически содействовать разрешению женщины от бремени.

Самым сложным и в то же время наиболее интересным является комплексный *эхэ* онгон, т. е. «большой (великий) онгон», который у балаганских бурят носил название *хойтохи* или *хэлхэ* онгон, т. е. «северный или всеобщий онгон», а у аларцев — Усайтан.² Было бы правильнее поэтому пользоваться в данном случае словом «онгоны», а не «онгон», поскольку *хойтохи* представлял собой целую серию изображений, имевших и самостоятельное значение.

Сведения об этих онгонах не отличаются достаточной полнотой и к тому же противоречивы, что, может быть, отчасти объясняется тем, что в различных районах Бурятии *хойтохи* онгон понимали, а следовательно, и комплектовали по-разному. Зная, с каким вниманием относились к ним не только хозяева дома, но и многочисленные их родственники и соседи, можно думать, что во многих домах *хойтохи* онгон был одним из главных — если не самым главным — и наиболее почитаемым онгоном. Последнее становится очевидным при ознакомлении с значением онгона и тем содержанием, которое вкладывалось в имеющиеся на нем рисунки.

Изготовление онгона совершалось в весьма торжественной обстановке, в присутствии шамана и при стечении большого количества народа. Делали этот онгон по совету шамана для молодой хозяйки дома.³ Поводом для его изготовления служили, с одной стороны, бесплодие женщины, с другой — болезнь или высокая смертность детей.⁴

В дореволюционное время смертность детей среди бурятского населения достигала значительных размеров, что было следствием отсутствия медицинской помощи, тяжелых условий существования бедняцких семейств и антисанитарного состояния жилищ. Но неграмотное население объясняло смертность детей вмешательством злых духов. В целях охраны ребенка родители в течение полугода не допускали в юрту посторонних людей и ставили около жилища особые знаки (березки с протянутыми от них к стенке нитками или лентами), увидя которые люди проходили мимо.⁵ Задолго до дня изготовления онгона хозяева заготавливали тарасун и вино, а также необходимые для пошивки онгона материалы. Когда все

¹ ГМЭ, опись колл. № 783-83 и 87. — Ц. Ж а м ц а р а н о, ук. соч., стр. 386—387.

² М. Н. Х а н г а л о в. Новые материалы о шаманстве у бурят, стр. 133.

³ Н. С. Щ у к и н. Буряты. Журн. Мин. внутр. дел, СПб., 1849, стр. 28.

⁴ Г. Н. П о т а н и н. 1) Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 107; 2) он же, Громовник..., стр. 291.

⁵ И. А. М о л о д ы х и П. Е. К у л а к о в, ук. соч., стр. 192.

было готово, приглашали знающего шамана, который должен был совершить обряд жертвоприношения и освящения онгона. В изготовлении отдельных онгонов, входивших в состав *ехэ* онгона, принимало участие целое общество, главным образом старики и старухи: мужчины делали ящик для хранения рисунков и «куколок», женщины шили и украшали онгоны. Руководил всей этой работой шаман, который указывал, что и как нужно делать, кого именно рисовать и т. д. Действие происходило в юрте. Пока люди были заняты пошивкой онгонов и нанесением рисунков, хозяйка дома носила на руках специально сделанную для этой цели куклу и делала вид, что кормит ребенка.

Изготовленные онгоны раскладывались в определенном порядке на правой от очага стороне, на белой конской коже или на чистом войлоке; в честь их кололи жертвенных животных (барана и жеребенка), и пока варилось мясо, шаман призывал к себе различных духов неба.¹ Обряд оканчивался съедением жертвенного мяса и сожжением костей животных. После этого онгоны складывали в ящичек и подвешивали к стене юрты, на правой от входа стороне.

Духи *ехэ* или *хойтохи* онгонов считались великими духами² небесного происхождения, поэтому шкура для них подстилалась белая. Общее число фигур, входивших в состав онгонов, доходило до 58, но полный комплект их, к сожалению, в музеях не представлен. Наиболее полная коллекция, принадлежащая Иркутскому музею, насчитывает всего 38 изображений.³ Весьма вероятно, что и сами буряты ко времени изготовления онгонов многое позабыли, так как считали достаточным наличие 27—28 изображений.⁴

К онгонам обращались со следующим причитанием: «Многотысячная Усэтенъ (*хамык*) — тысячная Хайсэтен, создательница бурят, правительница болготов!»⁵ Здесь опять мы видим намек на какую-то женщину-предка, прародительницу бурятов, что дает основание рассматривать Усайтан онгон как племенной. В пользу этого говорит также коллективное изготовление его и присутствие при его освящении большого количества народа.

Одно из главных мест среди персонажей *хойтохи* онгонов принадлежало, по словам Г. Потанина, онгону *хорюкишут*, который представлял собой семь вырезанных из жести женских фигурок, пришитых к лоскутку ткани, украшенному по верхнему краю перьями.⁶ Эти семь или девять дев, как их называли буряты, повидимому, те же небесные девы, дочери Эсэгэ Малаан тэнгри (неба), которые играли в религиозном мировоззрении шаманистов весьма видную роль. В пользу этого предположения говорит указание М. Н. Хангалова, который пишет: «У бурят Унгинского ведомства во главе *хойтохи* онгонов находятся девять дочерей Эсэгэ Малаан тэнгри; иные говорят — три дочери».⁷ К ним же, по некоторым данным,⁸ должны быть причислены и так называемые луговые женщины, о которых мы скажем ниже. Небесные женщины в том или ином виде фигурируют

¹ Г. Н. Потанин. Громовник. . . , стр. 288. — М. Н. Хангалов. Новые материалы о шаманстве у бурят, стр. 132—134.

² МАЭ, опись колл. № 953-3.

³ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 90—91.

⁴ МАЭ, колл. № 953-3.

⁵ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 104.

⁶ Г. Н. Потанин. Громовник. . . , стр. 291.

⁷ М. Н. Хангалов. Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания у бурят Унгинского ипородческого ведомства Балаганского округа. Этнографич. обозрение, XXXVI, 1898, № 1, стр. 39, прим. 1.

⁸ ГМЭ, опись колл. № 1635-49.

на всех экземплярах *хойтохи* онгона. Они изображаются на одном или нескольких лоскутках материи в виде обычных человеческих фигурок. На некоторых онгонах, кроме нарисованных, имеются и скульптурные фигурки, вырезанные из дерева¹ и «одетые» в ткани.

Рядом с этими девами часто фигурирует некий Нахурай, или Награй, изображение которого представляет собой самостоятельный онгон. Далее идут следующие онгоны: солнце и луна, божества плодovitости Ухаа Солбои и хатаи Майлган, шаманки с семьями, три или шесть сумасшедших девиц, подушечные бабы, две хоринские девушки (не всегда) и мать и отец *хойтохи* онгонов (рис. 28). Сюда присоединяются еще «хозяева горностая и хорька» — также большей частью духи женского пола² и некоторые другие онгоны. Большинство перечисленных персонажей является персонификацией различных элементов неба. Другие, повидимому, представляют собой обожествленных людей (шаманов), впоследствии почти слившихся с духами неба.

На некоторых из небесных духов необходимо обратить более пристальное внимание.

Упомянутый Награй³ почитался хоринцами, эхиритами и булагатами. О нем говорили как о возлюбленном, друге, товарище, провожатом, а также конюхе или стряпчем небесных дев.⁴ В то же время он считался великим шаманом, по некоторым данным, эвенкийского происхождения.⁵ Иногда фигурировали два Награя: один в роли возлюбленного небесных дев, другой в качестве их повара.⁶ Изображение Награя делалось шаманом. Изготавливался онгон после первого «кормления» *хойтохи* онгонов⁷ и считался покровителем дома.⁸

Голову Награя рисовали на белой части онгона. Металлического человечка к нему, по словам некоторых бурятов-шаманистов, не прикрепляли.⁹ Иногда Награя рисовали на онгоне вместе с его женой, причем шамана изображали на синей, а жену на красной полосе материи.¹⁰ Фигура шамана имеет три отростка на голове, пальцы на руках рас-

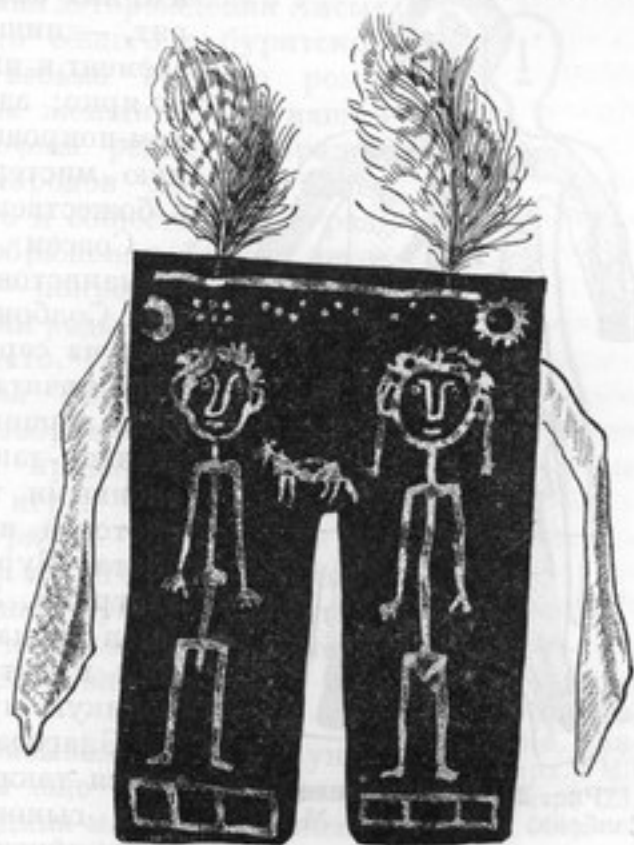

Рис. 28. *Хойтохи* онгон (деталь).
(ГМЭ, колл. № 365-17).

¹ ГМЭ, колл. № 1286-1а, б, в.

² ГМЭ, опись колл. № 1286-2.

³ Другие имена его: хан Нахурай, Нагорай-боо (боо — «шаман» по-бурятски).

⁴ МАЭ, опись колл. № 953-3-д, е. — ГМЭ, опись колл. № 1286-11/л.

⁵ Н. Агапитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 89.

⁶ ГМЭ, опись колл. № 1275-40.

⁷ ГМЭ, опись колл. № 403-37.

⁸ МАЭ, опись колл. № 953-3-д, е.

⁹ ГМЭ, опись колл. № 783-84.

¹⁰ Ц. Жамцарано, ук. соч., стр. 389.

ставлены.¹ Описанный мужской персонаж играл среди духов неба второстепенную роль. Он состоял при небесных девах в качестве интимного друга, оказывая в то же время ряд мелких услуг своим высоким покровителям. Весьма вероятно, что в Награе буряты видели одного из предков шамана, обожествленного после смерти и причисленного к лику тэнгриев. В лице награев мы, повидимому, имеем тех шаманов, которые, согласно Л. Я. Штернбергу, будучи избранниками небесных дев и со-

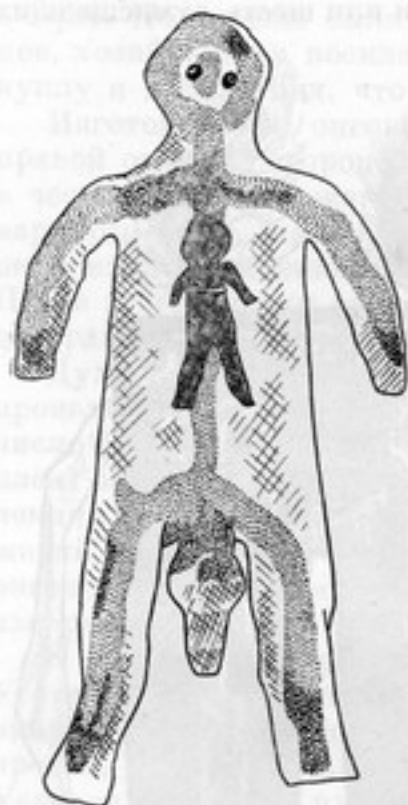

Рис. 29. Изображение Ухаа Солбона. (ГМЭ, колл. № 1275-40ж).

стоя с ними в сексуальной связи, получали и от них свой шаманский дар. «Именно у бурят, — пишет Штернберг, — сексуальный элемент в избранничестве выступает особенно ярко: здесь половой союз с женским духом-покровителем превращается в грандиозную мистерию настоящего бракосочетания с божественной небесной девицей».²

Совсем другую роль играл в пантеоне шаманистов упомянутый выше Ухаа Солбон, или Солбон тэнгри — другой мужской персонаж из серии *хойтохи* онгонов, в лице которого почитали планету Венеру, или Утреннюю зарницу. Ухаа Солбон — пастух Эсэгэ Малаан тэнгри, владеющий на небе бесчисленными табунами коней, хозяин, богатый скотовод и в то же время творец домашнего скота. Буряты причисляли его к западным тэнгриам. Этот создатель и владелец скота имел ближайшее отношение и к скотоводческим культам бурят, олицетворяя собой великую производительную силу природы.

Благодаря этой силе Ухаа Солбон становится также божеством, посылающим хороших сыновей. Он имеет нескольких жен, а по другим данным — любовницу, в лице небесной богини плодovitости хатан Майлган.

В числе его жен значится также женщина, похищенная им с земли.³

Как божество, наделенное большой производительной силой, Ухаа Солбон изображался с подчеркнутыми признаками пола.⁴ Фигура его сначала рисовалась на белом миткале красной краской, затем вырезывалась по контуру (рис. 29). У данного экземпляра имеется на груди металлическое изображение человека. На месте глаз пришиты две бисеринки. Нос отмечен коротким и толстым мазком, рот отсутствует. Трапезка фигуры линейная, более упрощенная, чем на многих других онгонах. Высота всей фигуры 16 см. Изображение Ухаа Солбона на рис. 30 также вырезано из белого миткаля, но металлической фигурки не имеет.

Покровительница деторождения хатан Майлган или Майлган рисовалась на отдельном кусочке холста или шелка.⁵ Онгон изготовлялся

¹ ГМЭ, колл. № 403-37.

² Л. Я. Штернберг. Избранничество в религии. Этнография, 1927, № 1, стр. 18.

³ Г. Потанин. Восточные мотивы в средневековом эпосе, стр. 122. — ГМЭ, колл. № 1275-40.

⁴ Некоторые монгольские, а также тюркоязычные народы Азии представляли Солбона в образе женщины. Халхасцы, например, видели в Солбоне старуху, тувинцы и киргизы — девицу (см.: Г. Потанин. Сага о Соломоне, прим. на стр. 117).

⁵ ГМЭ, колл. № 1286-6, д (давность около 90 лет).

по типу «небесных», т. е. с верхней белой половиной. На некоторых онгонах¹ Майлган представлена со своим земным мужем. Над божествами располагается небо в виде горизонтальной черты. Есть онгоны, на которых хатан Майлган нарисована рядом с Ухаа Солбоном.²

У бурятów существовала довольно сложная система политеизма, в которой нашли свое место многие божества, в их числе и такие, как Ухаа Солбон и хатан Майлган. Эти божества в религии и особенно в изобразительном искусстве народов Сибири встречались сравнительно редко. Вспомним, что даже у якутов богиня деторождения Аисыт (имеющая, кстати сказать, много общего с бурятской хатан Майлган), несмотря на весьма важную роль, которую ей приписывали якутские женщины, не нашла своего отражения в рисунке и очень редко изображалась в скульптуре. У других народов Азии с более высокими формами хозяйственного и общественного развития, например у китайцев, изображения богини деторождения, а также других богинь—покровительниц женщин и детей, облегчающих женщинам роды и т. д., наоборот, встречались прежде довольно часто.³

Наличие большого количества фигур на *хойтохи* онгоне, присутствие среди них изображений духов неба и то значение, которое всем им придавалось, говорит о том, что этот серийный онгон играл весьма важную роль в религиозной практике бурятów.

Изображения подушечных баб и онгон с рисунками матери и отца *хойтохи* онгонов ни в графическом отношении, ни по своему содержанию не представляют чего-либо оригинального, поэтому останавливаться на них мы не будем.

Из онгонов, духи которых призывались для осуществления заботы о детях, укажем еще *хамлагани жи* и *хуугэн* онгон; *хамлаган ижии* («женщина-мать», иначе называемая «в желтом шелковом костюме») рисовалась на желтом шелке вместе с тремя своими сыновьями. Онгон изготовлялся с целью спасения детей от эпидемии. Хранили его на крыше или внутри юрты. У всех фигур имеются металлические человечки на груди.⁴

Хуугэн онгон («девушка» или «ребенок» онгон) имел несколько вариантов. Его изготовляли в тех случаях, когда умирали дети, а также при

Рис. 30. Изображение Ухаа Солбона. (По Хангалову, арх. ГМЭ № 27. тетр. 23, стр. 644).

¹ ГМЭ, колл. № 1286-11, е.

² МАЭ, колл. № 953-3, к.

³ Представление об этих женских божествах возникло несомненно задолго до появления буддизма и кроется в более древней религии китайцев, во многом сходной с верованиями народов Сибири. Все эти «великие госпожи в белом платье», часто с ребенком на руках, или «девять богинь Цзю-нин-нань» и многочисленные другие женские персонажи, фигурирующие под самыми разнообразными именами и титулами, чрезвычайно близко напоминают бурятских «девять небесных девиц» и различных покровительниц женщин, упомянутых нами выше, в частности хатан Майлган (о женских божествах китайцев см.: Г. Н. Потанин. Тангутско-тибетская окраина Китая, т. II, стр. 227; А. Потанин. О китайской женщине. Сб. «Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю», М., 1895, стр. 199; В. Грубе. Духовная культура Китая. СПб., 1912, стр. 211—212; Н. Добровидов. По Сунгари. Приамурские ведомости, 1895, № 95). У монголов бесплодные женщины молились о даровании детей богиням Белой и Зеленой Дарихэ (Г. Н. Потанин. Тангутско-тибетская окраина Китая, т. I, стр. 114).

⁴ ГМЭ, опись колл. № 783-80.

заболевании взрослых. Рисунки представляли собой изображения девич или девочки, дочери некоего Бороа, о которой говорили, что она перед смертью сошла с ума. Родиной онгона считалось бывшее Хоринское ведомство.¹

По словам С. П. Балдаева,² *хууган* онгон известен был в Кижинге Хори и Аче и представлял собой не что иное, как местный вариант онгона хоринских девич.

Кроме этих онгонов, ту же функцию выполняли и другие уже известные нам онгоны: *хойтохи*, Мэнгэлен басагад и *хойморойхи*.

Таким образом, количество онгонов, предназначенных для оказания помощи женщине и ребенку, было довольно велико. Что касается изображений шаманок и шаманов, то они рисовались в числе нескольких фигур на особом онгоне, представляя собой целые семьи: жену, мужа, сыновей и дочерей. Над головами у них прикреплены перья, под ногами *ширээ* (не у всех), на груди железная фигурка (тоже не всегда). Все они фигурировали в роли покровителей людей.³

Иное значение имели онгоны луговых женщин; последние считались покровителями покосов, лугов, утугов⁴ и улусов, но в то же время в них видели духов, охраняющих детей и домашний скот. По некоторым данным,⁵ луговые женщины или иначе, Нугын эзинууд, были дочерьми самого неба, т. е. Эсэгэ Малаан тэнгри.⁶ Их местопребыванием считались луга. Рисунки на этих онгонах представляют собой изображения трех женщин, в обычной трактовке. В верхней части онгонов расположены небесный свод, солнце и луна.⁷ Внизу иногда помещается озеро, а в нем лягушка и змея.⁸ Хранились онгоны в берестяных сумочках. Поскольку луговые женщины считались покровительницами целых улусов, их можно отнести к родовым онгонам бурят.

Кроме перечисленных, в состав большого онгона *ехэ* входили еще онгоны бешеных девич, назначение которых остается недостаточно выясненным. Бешеные девич — *галзуушан* (от *галзуу* — «бешеный», «сумасшедший») — рисовались на двух или на трех кусочках ткани. На голове у них имелись «рожки», глаза были из бисера, сверху онгона прикреплялись птичьи перья.⁹ *Галзуушан* приписывалось земное происхождение. Эти девич были якобы сиротами и погибли от болезней, голода и холода (ср. с онгонами двух хоринских девушек). По словам Г. Потанина, бешеным девичам приносили в жертву черного козла.¹⁰ Несмотря, однако, на земное происхождение девич, их изображения, нарисованные на отдельных лоскутках, пришивались к верхней белой полосе ткани, чем подчеркивалась «небесная» природа этих духов. Очевидно, в данном случае имело место причисление земных духов к духам неба.

На одном онгоне Государственного Музея этнографии¹¹ с изображением шести бесноватых девич, кроме человеческих фигур, неба, звезд

¹ Ц. Жамцарано, ук. соч., стр. 385—386, рис. 8, 9.

² Устное сообщение С. П. Балдаева (1948 г.).

³ ГМЭ, опись колл. № 365-16.

⁴ Утугами (*утуг*, *утук* по-бурятски означает «удобрение») называются расчищенные и огороженные участки земли, отведенные под покос. Они удобряются навозом и иногда искусственно орошаются. Утуги прежде находились в общественном пользовании улуса или рода.

⁵ ГМЭ, колл. № 1635-49.

⁶ ГМЭ, колл. № 1635-49.

⁷ ГМЭ, колл. № 403-5, а, б, в; Иркутский музей, колл. № 7365-3.

⁸ Н. Аганитов и М. Хангалов, ук. соч., стр. 86.

⁹ МАЭ, колл. № 953-3. — ГМЭ, колл. № 1286-11, и.

¹⁰ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 106.

¹¹ ГМЭ, колл. № 1286-36.

и солнца, нарисованы на одной лоскутке рыба и «вилка с пятью зубцами» (острога), на другом — змея и лягушка.

Изображения бешеных, преимущественно из числа женщин, встречающиеся и на других онгонах, не входящих в серию *хойтохи*, имеются в довольно большом количестве в музейных собраниях. Еще Н. П. Кулаков заметил, что «буряты вообще относятся с каким-то осторожным . . . уважением и некоторым страхом к сумасшедшим» и считают, что «сумасшествие — признак близкого общения больного с высшими существами».¹ Такое мнение вызвано было, очевидно, тем, что лица, готовившиеся стать шаманами, бегали днем и ночью по лесу и, разложив костер, кружились вокруг огня, производя при этом различные неестественные движения. Н. Виташевский, в свое время изучавший якутов, писал, что между тем состоянием, в которое впадает шаман во время камлания, и весьма распространенной прежде в Сибири, преимущественно среди женщин, формой истерии (психонейроза), так называемым «меряченьем», существует несомненная близость.² Эта болезнь в прошлом была широко распространена среди бурятского населения.³

Таким образом, изображения бешеных девиц мы можем поставить в связь не только с шаманством, но и с меряченьем. Изображения *галзуушан*, среди которых преобладают женские фигуры, служат как бы подтверждением того, что мэнэриками становились преимущественно женщины.

Таковы главнейшие онгоны, входившие в состав большого *ехэ* онгона.

Значительную группу женских онгонов составляли онгоны с изображениями духов—покровителей скота, главным образом телят и жеребят. В дореволюционное время скот у бурят постоянно находился под угрозой заболевания. Эпизоотии, особенно сибирская язва, принимали внушительные размеры и сильно разоряли население. Ветеринарная помощь отсутствовала, своими силами с этим злом бороться не умели, а анимистическое мировоззрение и поддерживающие его шаманы подсказывали, что болели животные оттого, что их преследовали и беспокоили духи. Буряты думали, что эти духи были душами людей, умерших неестественной или преждевременной смертью. Среди них видели в первую очередь лиц женского пола. При заболевании скота или людей немедленно изготовляли соответствующий онгон (изображение). Его одевали, «кормили» и «поили», наделяли тем или иным названием и помещали на женской половине юрты. Шаман в этом деле никакого участия не принимал. Все необходимое совершали женщины, на обязанности которых лежал уход за скотом. Они наблюдали за перегонем скота на пастбище, пасли скот, доили коров и кобыл, ухаживали за телятами и жеребятами. На них же возлагалась и забота о здоровье скота. Предполагалось, что после изготовления онгона и соответствующих действий над ним духи не должны были

¹ П. Е. Кулаков. Буряты Иркутской губернии. Изв. ВСОРГО, т. XXVI, № 4—5, 1896, стр. 138. То же мы находим у многих других народов. Американские эскимосы думали, что сумасшедшие — это люди, в которых вселился дух, и их отрывочные фразы рассматривались как пророчество (В. Г. Богораз. К психологии шаманства у народов северо-восточной Азии. Этнограф. обозрен., 1910, № 1, стр. 1). Народная фантазия китайцев все виды болезненных припадков и бешенства объясняла одержимостью, т. е. вселением в тело человека духов. Это нашло свое отражение и в иероглифических знаках. Один из видов «бесноватости» обозначался иероглифом у, составленным из знаков *гуй* и *чжи*, означающих «прийти», «проникнуть» (С. Гергиевский. Мифические воззрения и мифы китайцев, стр. 85).

² Н. Виташевский. Из области первобытного психонейроза. Этнограф. обозрен., 1911, № 1—2, стр. 201.

³ С. И. Мицкевич. Мэнэрик и эмиряченье, формы истерии в Колымском крае. Матер. Комиссии по изуч. Якутск. АССР, вып. 15, Л., 1929.

вредить людям и даже, при соблюдении правил обращения с онгонами, становились охранителями скота, жилища, семьи.

К этой серии относились: 1) *эзенхи* онгон, представлявший собой изображение двух девушек-рабынь, ставших после смерти избранниками духов и помогающих при болезнях телят; 2) *ухэхи-буруги* онгон — онгон двух служанок — матери и дочери, проливших однажды при доении коров молоко и из страха перед хозяевами удавившихся; 3) *изи* онгон — онгон женщины-пастушки, которая однажды заблудилась, попала к эвенкам и, тем самым, лишилась помощи сородичей; после смерти она стала будто бы вызывать в своем улусе эпизоотии; 4) *туггал-буруи* онгон, из-

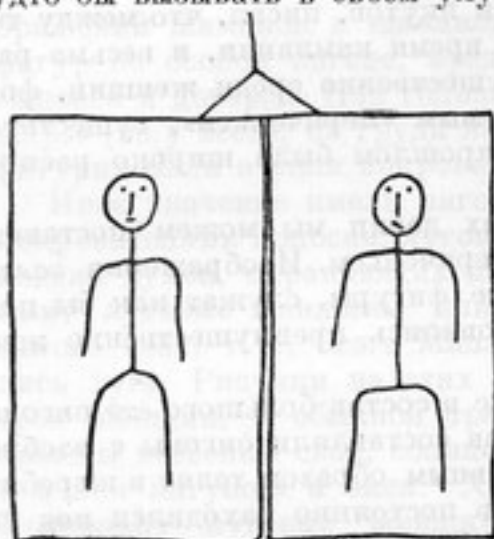

Рис. 31. *Ухэхи буруги* онгон.
(По Хангалову, арх. ГМЭ, № 28,
тетр. № 37, стр. 107).

готовлявшийся при падеже скота (телят и жеребят) в честь четырех сестер, погибших вместе со своими родителями от насильственной смерти; сестры будто бы сделались вредными *бохолдоями* и стали губить телят и жеребят; 5) *боронхи-баранхи* онгон, против падежа телят, изготовлявшийся в честь четырех дочерей, погибших во время одного из военных столкновений.

Ухэхи буруги онгон (рис. 31) состоит из двух соединенных вместе лоскутков сукна красного и черного цвета, на которых нарисовано по одному изображению. Как и на предыдущих онгонах, оба рисунка очень схематичны и строго линейны. Глаза

отмечены точками, нос и рот — прямой чертой. На онгоне изображены мать и дочь, бывшие при жизни служанками. Однажды, совершив мелкий проступок, они из боязни гнева хозяина удавились и, согласно легенде, сделались онгонами-покровителями коров и телят. Хранилось это изображение над полками с молочной пищей.¹

На рис. 32 представлен *эзенхи*, или *хокшихи* онгон, т. е. «женский» или «старушечий» онгон. На нем изображены две девицы-рабыни, будто бы ставшие после смерти избранниками духов и оказывавшие, по мнению хозяев онгона, помощь при заболевании телят и ягнят. Фигуры нарисованы красно-оранжевой краской на темносиней материи. Вверху изображены солнце и луна, а на луне — дерево и девушка с ведром в руке.² Онгон делали женщины, они же совершали перед ним соответствующие обряды.³ Хранилось изображение в берестяной коробочке, на женской половине юрты.⁴

Заканчивая на этом рассмотрение различных групп старинных бурятских онгонов, нарисованных на материи, подведем некоторые итоги.

Разнообразная и сложная, иногда противоречивая семантика этих онгонов объясняется тем, что онгоны возникали в различные исторические периоды и отражали идеологию различных групп и классов бурят-

¹ М. Хангалов. Материалы по этнографии. . . , тетр. 37, стр. 1072.

² Иркутский музей, колл. № 7365-4.

³ М. Н. Хангалов. Свадебные обряды. . . , стр. 39, прим. 1.

⁴ ГМЭ, опись колл. № 403-6, а, в.

ского общества. Практика изготовления онгонов в XIX—начале XX в. обусловлена была низким уровнем развития производительных сил и вследствие этого — общей отсталостью хозяйства и техники. В этих условиях оказались живучими многие старинные обычаи, обряды и религиозные верования бурятов, уходившие своими корнями в далекое прошлое. Сохранению этих обрядов способствовали неграмотность сельского населения и отсутствие необходимой медицинской помощи.

Первоначальное смысловое значение онгонов было частично утрачено, частично затемнено и изменено под влиянием развивавшихся патриархально-феодалных, а позже и капиталистических отношений. Оно может

быть раскрыто только путем «снятия» с персонажей онгонов присвоенных им позднейших титулов (ханы, ханши, нойоны, господа и госпожи) и имен, а в ряде случаев и антропоморфного облика этих лиц. Тогда перед нами выступит древнейший культ природы: культ неба и небесных светил, культ огня, воды и земли, в их естественных, доантропоморфных формах, культ тотемных животных и птиц, культ животных (быка, козла) как духов плодovitости. Среди антропоморфных онгонов одними из древнейших следует считать онгоны с изображениями предков по линии матери, женщин — покровительниц семьи и детей, духов — покровителей охоты.

Большинство перечисленных онгонов могло существовать у предков бурятов еще в эпоху материнского рода.

К более поздним по времени своего возникновения следует отнести онгоны с изображениями духов — покровителей домашнего скота, покосов и лугов, духов — покровителей кузнецов и духов умерших шаманов. Имеются достаточные основания предполагать, что некоторые из этих онгонов появились в период отцовского рода.

Обращает, однако, на себя внимание то обстоятельство, что среди персонажей, изображенных на таких онгонах, нередко встречаются женщины. Примером может служить сестра божественных кузнецов — Эйлиг Муулиг эгэшэ, которой приписывалась роль женщины кузнеца, обучившей своих братьев кузнечному делу.

Ко времени становления и развития патриархально-феодалных отношений древняя семантика онгонов претерпела существенные изменения. Культ природы превратился в культ божеств природы, представленных вполне антропоморфными существами, наделенными различными сложными эпитетами, титулами и именами. Эти божества составляли целую иерархию, отражавшую классовое расслоение бурятского общества.

С особой отчетливостью выступают изменения в семантике онгонов с изображениями женских персонажей. Многие из них из положительных превратились в отрицательные, что явилось следствием изменения роли женщины в хозяйственной и общественной жизни. Некоторые из женских духов стали рассматриваться как вредные, опасные для человека. На

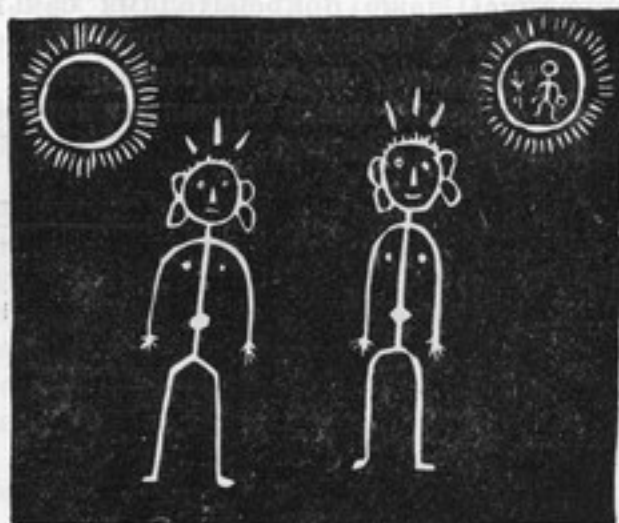

Рис. 32. Ээлиги онгон. (Иркутский музей, coll. № 7365-4).

онгонах появились изображения умерших рабынь, батрачек, чужеродок, пастушек, сирот, безродных, падчериц, одиноких старух, лишенных при жизни помощи родственников. Лица, особенно богачи, в доме которых при жизни работали перечисленные женщины, испытывали страх перед ними, считали их злыми духами, способными из мести за свою безрадостную, полную лишений жизнь и преждевременную смерть (причинять вред семье и имуществу, особенно домашнему скоту своих бывших владельцев). Желая задобрить этих обиженных и вечно голодных духов, буряты делали их изображения и «кормили» их. После этого духи якобы не только не причиняли зла, но в отдельных случаях становились даже покровителями семьи и домашнего скота.

Рисунки и семантика изображений отражали не только социальную действительность, но и мировоззрение бурятов, их религиозные идеи, нередко переплетенные с древними первобытно-материалистическими представлениями о природе.